

Министерство образования Республики Беларусь

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (БГУ)

УДК 323.2

№ гос.регистрации 20151078

Инв. №

УТВЕРЖДАЮ

Зам. проректора по научной
работе – начальник ГУН

_____ Т. А. Дик

«_____» _____ 2016 г.

ОТЧЕТ

о научно–исследовательской работе

«ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ:
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

согласно договору с БРФФИ № Г15–048 от “4” мая 2015 г.

(промежуточный)

Зав. кафедрой политологии
юридического факультета,
научный руководитель НИР
д-р полит. наук, профессор

С. В. Решетников

«_____» _____ 2016

Нормоконтролер

С.Ю.Галкина

«_____» _____ 2016

Минск 2016

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель работы
зав. кафедрой политологии,
д-р политических наук,
профессор

С.В.Решетников
(подразд. 2.1; 2.2; 2.3; 2.5;
общая редакция отчета)

Исполнители темы:

Доцент кафедры политологии,
канд. политических наук,
доцент

Н.А.Антанович
(определения, введение,
подразд. 1.1; 1.2; 1.3; 2.3;
2.5; 4.2, заключение)

Ст. преподаватель кафедры
политологии,
канд. политических наук

В. С.Михайловский
(подразд. 3.1; 3.2; 4.1; 4.2;
4.3)

Аспирант кафедры
политологии

А.С.Писарчик
(определения, список
использованных
источников, оформление
отчета)

Зав. учебной лабораторией
политических технологий,
доцент кафедры политологии,
канд. политических наук

О.Е.Побережная
(определения, реферат,
введение, подразд. 2.3;
2.4; 2.5; заключение)

РЕФЕРАТ

Отчет 52 с., 60 источников.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ, СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕТЬ, СОЦИАЛЬНО-ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Объектом исследования выступает организация государственного управления социальным и политическим пространством.

Цель НИР – раскрытие основных направлений государственного управления социальным пространством с учетом специфики политического управления и выработки официального политического курса в Республике Беларусь.

Цель первых четырех этапов НИР – исследование социально-проектной деятельности политических субъектов на основании сравнительного анализа эволюции политического мышления в социальном пространстве и публичного дискурса.

При проведении исследования использованы общенаучные, социально-гуманитарные и политологические методы.

В ходе исследования проведена концептуализация понятий «социальное пространство», «политическое поле», «политическое пространство», «политическая сеть», «политико-административная система»; исследована эволюция политического мышления в социальном пространстве и механизмы постановки на повестку дня политики социально значимых проблем; выявлена эволюция и тенденции развития массового политического мышления в социальном пространстве Беларуси; изучена социально-проектная деятельность официальных и неофициальных субъектов политического процесса Республики Беларусь на основе сравнительного анализа политического дискурса; проведен концептуальный анализ технологий дискурсивного контроля в структуре массовой культуры (неолиберальный вызов Республике Беларусь).

В результате исследования сделаны выводы о значимом эвристическом потенциале социального конструктивизма, оперирующего понятиями «социальное пространство» и «политическое пространство», для анализа политической реальности в пространственной локализации, коммуникативном пространстве взаимодействия политических субъектов и символическом пространстве борьбы идеологических проектов устройства и управления социальной реальностью. Выявлено, что эффективность социально-проектной деятельности и управления социальным пространством во многом зависит от установления государством дискурсивного контроля над постановкой социально значимых проблем на повестку дня политики в пространстве массовой культуры и с опорой на ценностные ориентации политического сознания общества, а также отработки и внедрения в повестку дня негосударственных социальных проектов для укрепления стабильности общества и преодоления угроз легитимности государственной власти.

Результаты исследования реализованы в публикациях и отчетах по этапам НИР.

СОДЕРЖАНИЕ

Определения, обозначения, сокращения.....	5
Введение	7
1 Концептуализация понятий «социальное пространство», «политическое пространство», «политическая сеть».....	9
1.1 Концептуальная динамика в политической науке: сравнительный анализ понятий «политическая система», «политическая сеть».....	9
1.2 Основные подходы к исследованию понятия «социальное пространство».....	10
1.3 Понятие «политическое пространство»	13
2 Эволюция политического мышления в социальном пространстве и механизмы постановки на повестку дня политики социально значимых проблем	15
2.1 Понятие и структура политического сознания и мышления	15
2.2 Научное политическое мышление: генезис и сущность	17
2.3 Обыденное политическое мышление и механизмы постановки на повестку дня политики проблем различной значимости	22
2.4 Мотивационные факторы ценностного ориентирования обыденного политического мышления.....	26
2.5 Ценности белорусского народа, эволюция и тенденции развития массового политического мышления в социальном пространстве Беларуси.....	27
3 Социально-проектная деятельность официальных и неофициальных субъектов политического процесса Республики Беларусь (сравнительный анализ политического дискурса).....	31
3.1 Политическое проектирование социального пространства: сущность и субъекты (концептуальный анализ).....	31
3.2 Конкуренция социально-проектной деятельности в политическом процессе Республики Беларусь.....	32
4 Дискурсивный контроль в структуре массовой культуры (концептуальный анализ)	35
4.1 Роль массовой культуры в политике	35
4.2 Критический дискурс-анализ в политических исследованиях	40
4.3 Технология дискурсивного контроля: неолиберальный вызов Республике Беларусь.....	42
Заключение.....	45
Список использованных источников.....	49

ОБОЗНАЧЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ, СОКРАЩЕНИЯ

В настоящем отчете по НИР используются следующие определения:

Государственная политика – совокупность целей, задач, приоритетов, стратегических программ и плановых мероприятий, которые разрабатываются и реализуются органами государственной власти с привлечением общественных объединений и организаций.

Государственное управление – целенаправленная деятельность институтов государственной власти по реализации целей общественного развития и определенных целей в конкретных социальных областях, используя правовые, экономические, административные методы воздействия, опираясь на ресурсы, имеющиеся в распоряжении властных институтов.

Публичная политика – программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий социальных групп (страт) их представителями. Публичная политика отражает процессы агрегации и артикуляции групповых интересов, формирование определенного типа политики государства.

Социальное пространство – это:

1) место (система координат, протяженность), в котором действуют субъекты в зависимости их диспозиций и формирующихся социальных дистанций; сеть действий, совершаемых в определенном пространственно-временном континууме (ситуация) социальными акторами/агентами;

2) характеристика социального восприятия и конструирования окружающего мира отдельными субъектами и/или социальными группами с учетом географических условий, территориальной протяженности, исторической памяти народа и определенной ценностной системы.

Социально-проектная деятельность – деятельность по научному и практическому обоснованию прообраза социального будущего и путей достижения ожидаемого, рационально обоснованного состояния социально-политической системы; составная часть управления.

Политический анализ – научно обоснованная деятельность по выработке знаний о политических процессах, позволяющая принимать рациональные политические решения и действия.

Политическое пространство – социальное пространство, в котором осуществляются действия и взаимодействия политических акторов; символическое пространство борьбы за определенный идеологический проект устройства общества и государства.

Политический дискурс – речевые практики субъектов власти и политики, формирующие политическое пространство.

Политическое мышление – составная часть понятия «политическое сознание», отражающая специфику аргументации как формы социально-политического дискурса и особенности эмоционально-психологического восприятия политики.

Политическое поле – это:

1) категория для обозначения места, где в конкурентной борьбе между агентами, занимающими определенные позиции, продуцируются политические концепции, решения, комментарии, проекты общественного устройства;

2) разновидность политического пространства, имеющего определенные территориальные рамки (чаще одно государство), в пределах которых идет противостояние идеологических концепций, выдвигаемых различными политическими силами.

Политическая сеть – разновидность социального сообщества, которое на неформальной основе связывает между собой политических субъектов со сходными политическими позициями, убеждениями, интересами.

Политическое сознание – совокупность представлений, оценок и установок о содержании политического поля, а также сопровождающих их эмоциональных компонентов.

В настоящем отчете по НИР используются следующие обозначения и сокращения:

БРФФИ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований,

БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика,

НИР – научно-исследовательская работа;

СМИ – средства массовой информации,

СНГ – Содружество Независимых Государств,

СССР – Союз Советских Социалистических Республик,

ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

ВВЕДЕНИЕ

Целью НИР «Государственное управление социальным пространством: политологические аспекты» является раскрытие основных направлений государственного управления социальным пространством с учетом специфики политического управления и выработки официального политического курса в Республике Беларусь.

Для выполнения НИР по первым четырем этапам были поставлены следующие задачи:

- выявить проектный потенциал и возможности применения понятий «политическое пространство» (как часть социального пространства) и «политическое поле» в политической науке и в сфере государственного управления;

- исследовать эволюцию политического мышления в социальном пространстве посредством раскрытия механизмов постановки на повестку дня политики социально значимых проблем;

- исследовать конкуренцию дискурсов субъектов политики в сфере выработки проектов общественного развития;

- провести концептуальный анализ функционирования дискурсивного контроля в структуре массовой культуры.

Объектом исследования выступает организация государственного управления социальным и политическим пространством. Наряду с использованием системного и структурно-функционального подходов, авторами использована методология коммуникативного и сетевого подходов, а также дискурс-анализа для выявления механизмов выработки политического курса на общегосударственном (национальном) уровне.

Научная идея состоит в изучении механизмов трансформации социальных процессов и проблем в политические решения и действия. Социальное пространство анализируется сквозь призму его репрезентации в публичном политическом дискурсе с одной стороны, а с другой – в его воплощении в политических проектах.

Многообразные формы общественного бытия и системные характеристики социума совокупно представляют собой социальное пространство. В социальном пространстве реализуются различные практики по воспроизводству сложившихся отношений на основе устоявшихся в данном социуме ценностей, норм и правил; и структурируются новые социальные, экономические, политические и иные практики на основе статусных и мировоззренческих отличий социальных субъектов.

Диспозиции политических акторов, их борьба за продвижение своих идеологически обоснованных проектов общественного развития и, как следствие, за наращивание ресурсов политического влияния, формируют политические поля. Таким образом, конфигурация политического поля определяется борьбой за доминирование в социально-проектной деятельности между официальными и неофициальными субъектами политики.

Научно обоснованные практики государственного управления социальным пространством являются механизмом повышения конкурентоспособности общества. Эффективность социально-проектной деятельности государства, связанной с выработкой политического курса, зависит от адекватного сочетания

политических и административных механизмов в достижении государственной состоятельности (степени реализации основных функций государственного управления: целеполагание, принятие решений, организация, координация, регулирование, контроль, обратная связь).

В ходе реализации проекта НИР достигнуты следующие промежуточные результаты.

На первом этапе выполнения НИР было проведено исследование широкого круга источников с целью систематизации основных методологических подходов к анализу социального и политического пространства; выявлены основные направления применения теории социального и политического пространства (исследование полицентричных сетевых взаимодействий социальных акторов, сравнительное исследование эволюции политического мышления и политического дискурса официальных и неофициальных субъектов политики), проанализировано функционирование дискурсивного контроля в структуре массовой культуры; исследовано влияния диспозиций субъектов политического поля на функционирование политико-административной системы.

На втором этапе реализации проекта на основе структурирования уровней и компонентов политического мышления выявлены позитивистские, реалистические и интерпретационистские основания научного политического мышления, показана актуальность конструктивистского подхода в современных политических науках; структурированы проблемные ситуации, актуальные для массового сознания с точки зрения перспектив их постановки на повестку дня политики, и регулятивных, распределительных и коммуникативных требований на «входе» политической системы; выявлены ключевые тенденции развития и базовые ценностные основания массового политического мышления в Беларуси.

На третьем этапе реализации проекта выявлено, что в социально-проектной деятельности в Республике Беларусь доминируют институты государства при определении различных направлений государственной политики; показано, что в социальном проектировании возрастает значение групп интересов, общественных объединений, политических партий, СМИ, экспертного сообщества, действующих в рамках фрагментарного общественного дискурса; конкуренция за социальное проектирование в Республике Беларусь связана с борьбой за контроль над различными формами публичного дискурса.

Четвертый этап был посвящен рассмотрению дискурсивного контроля в структуре массовой культуры. Было определено значение массовой культуры как формы глобальной коммуникации, определены угрозы для отдельных государств (в том числе белорусского государства), проистекающие из массовой культуры глобального потребления; показаны особенности применения технологий дискурсивного господства космополитического неолиберального мировоззрения (манипуляции экономическими потребностями, примитивизация политического дискурса и возрастание одномерности политического мышления и сознания). Обозначена необходимость проведения идеологической работы по формированию собственной символической политики белорусского государства для улучшения социально-проектной деятельности с опорой на национально-государственные интересы как основу национальной безопасности.

1 Концептуализация понятий «социальное пространство», «политическое пространство», «политическая сеть»

1.1 Концептуальная динамика в политической науке: сравнительный анализ понятий «политическая система» и «политическая сеть»

Фундаментальные изменения в науке всегда касаются средств и методов познавательной деятельности в целом и изменения категориального аппарата, в частности. В середине XX в. сложилась теория политических систем, надолго определившая категориальный аппарат политической науки, а термины «политическая система», «подсистема политики», «тип политической системы», «политический режим» стали основополагающими для политологического дискурса. В XX в. представления о специфике системного и институционального подходов к анализу политики и *политической деятельности* вошли в теоретическое основание и политической науки, и конституционного права.

Классик системного подхода Д. Истон развивал идею целедостижения как основополагающую для политической системы. Политическая система у Д. Истона, по сути, являлась методологическим средством анализа того, как импульсы «входа» («требования») преобразуются в решения и действия властных институтов на «выходе». Детализацию изучения политической системы обеспечил политический функционализм (в т.ч. в форме структурно-функционального подхода). Работы Г. Алмонда, С. Вербы К. Дойча продемонстрировали продуктивность понятия «политическая система», благодаря которой стало возможным анализировать политические институты, исполнение индивидами политических ролей, а также исследовать коммуникационные процессы. Выделение функций *системы* (System functions), *процесса* (Process functions) и *политического курса* (Policy level functions) [1] стало классическим в политической науке. Модель политической системы «вход – выход» обладает объяснительным потенциалом для изучения государственного и политического управления.

Для конкретизации изучения процессов государственного и политического управления используется понятие «*политико-административная система*». Политико-административная система включает совокупность взаимоотношений между структурными элементами системы государственной власти (политическое руководство – законодатели – исполнительная власть); исполнительной властью (в лице государственных служащих) и гражданами, а также их организациями [2]. При построении модели политико-административной системы учитывается соотношение политического и административного управления в каждой конкретной стране. Однако описанная выше модель должна наполняться анализом напряженных взаимоотношений (в форме конкуренции за власть и принятие решений), возникающих между реальными акторами политического поля. Подобные конкретные разработки актуальны для белорусской политологии.

Развитие любой науки проходит через смену методологических подходов. В политической науке в качестве таковых традиционного выделяют бихевиоризм, системный анализ, функционализм, теорию рационального выбора, неонституционализм [3, с. 34-35]. Под влиянием постмодернистских изменений начали использоваться новые термины, значительное внимание уделяется анализу политического дискурса (как совокупности коммуникативных практик), получил применение сетевой подход. Приведем здесь две цитаты, указывающие на

серьезные концептуальные перемены в современных социальных науках. Первый пример. Известный социолог П. Штомпка призывал к преодолению «системно-организмических моделей общества» и «дихотомии социальной статики и динамики» [4, с. 25]. Второй пример. И. Л. Прохоренко отмечает, что «политологи обратили пристальное внимание на неинституциональные факторы, определяющие специфику и динамику политических процессов (демографические, этно- и социокультурные изменения, перемены в ценностных предпочтениях) с целью преодолеть макросубъектный подход» [5, с. 68].

Итак, поисковой зоной в развитии системной теории являются концепции политических сетей, социального и политического пространства и поля. *Сетевой подход* направлен на осмысление процессов, происходящих в обществе под влиянием современных информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Сетевой подход основан на применении понятий «социальная сеть» и «политическая сеть» (сопряженные понятия: «сетевое общество», «сетевое управление», «сетевые войны»). Политические сети изучали такие авторы, как Д. Ноук и Дж. Куклински, Р. Родес, Т. Берцель, М. Кастельс, Э. Хейвуд, Дж. Петерсон, Л. В. Сморгун, А. В. Олескин, А. В. Курочкин. Работа Д. Ноука и Дж. Куклински «Сетевой анализ» была опубликована еще в 1982 г.

Организация социальной жизни может быть основана как по иерархическому, так и по сетевому принципу, описывающему неформальные социальные взаимодействия на протяжении всей человеческой истории. Хотя социальные и политические сети не являются «изобретением» информационного общества, однако именно в нем приобретают принципиально новые характеристики. «Сетевые структуры» XXI в. – «феномен постмодерна». Политические события, явления культуры и даже личной жизни предстают в форме потоков сообщений. Меняется социальная структура, связь человека с конкретными территориальными сообществами ослабевает, а возможности современных ИКТ и интернет-коммуникации позволяют создавать экстерриториальные группы на основе личного выбора и интереса.

Политическая сеть – разновидность социального сообщества, которое на неформальной основе связывает между собой политических субъектов со сходными политическими позициями, убеждениями, интересами.

Политические сети могут формироваться как на уровне элитарных группировок («железные треугольники», включающие представителей законодательной, исполнительной власти и лоббистов), так и на уровне широкого массового взаимодействия. Политико-управленческие сети соединяют государственных и негосударственных акторов. Современные коммуникативные позволяют использовать сетевое взаимодействие в государственном управлении для обратной связи между центрами принятия решений и обществом (e-government).

1.2 Основные подходы к исследованию понятия «социальное пространство»

Для описания и анализа *полицентричных, постоянно воспроизводящихся, изменчивых взаимодействий* социальных акторов используют понятия социального и политического пространства, политического поля. Самые ранние упоминания понятия «социальное пространство» встречаются в работах Г. Зиммеля, П. Сорокина, а позднее – П. Бурдьё, М. Фуко. Согласно П. Бурдьё социальное

пространство конструируется по различению позиций социальных агентов: место в социальном пространстве «может быть охарактеризовано через его релятивную позицию по отношению к другим местам... и через дистанцию, отделяющую это место от других» [6, с. 35-36].

П. Бурдьё исследовал как социальное пространство вписывается в физическое пространство, воплощаясь в архитектуре и топонимике городов, фиксируя символические позиции различных правящих элит. Концепция М. Фуко основывалась на особом наборе понятий, куда наряду с понятиями «власть», «дискурс», «знание», «стратегия», входил термин «пространство». М. Кастельс использовал понятие «пространство потоков»: информационные потоки кардинально меняют традиционное географическое и городское пространство, переплетаются с ним [7].

А. Т. Бикбов и С. М. Гавриленко отмечают, что «всякое социально-теоретическое описание общества, при всем многообразии существующих подходов, в основе своей содержит пространственную схему, которая приписывает социальному миру ту или иную предельную форму упорядоченности» [8, с. 1].

Г. А. Аванесова и О. Н. Астафьева предлагают следующее *определение социального пространства* – это «характеристика социального восприятия и моделирования человеком окружающего мира с точки зрения его геотерриториальной протяженности, историко-временных особенностей, а также в аспекте его ценностно-смысловой определенности» [9, с. 367].

А. Ф. Филиппов провел анализ социального пространства, выявив его аналитико-прогностические возможности [10]. Социум рассматривается как нечто наблюдаемое, месторасположение тел; место взаимодействия акторов в зависимости от их социальной дистанции; символическое пространство конструирования социума и дискурс об этом конструировании.

Понятие пространства мыслится вместе с его характеристиками: место (расположение, протяженность, размерность, система координат) – граница – дистанция. С нашей точки зрения, понятие социального пространства:

- позволяет анализировать текущие, изменчивые социальные практики;
- приобретает свои специфические формы в определенном физико-географическом, предметном пространстве (объективация и материализация);
- имеет культурно-историческую (цивилизационную) специфику;
- имеет сложное строение, включая различные подпространства/поля (политическое, правовое, символическое, экономическое);
- содержит идеально-конструирующую (ментальную составляющую), формируясь в определенном бытии, оказывает на него конструирующее воздействие (оно объективируется в определенном типе культуры).

Социальное пространство в каждом государстве конструируется на основании определенных проектов/стратегий, за которые разворачивается политическая борьба. Природно-географическое и даже физическое пространство рассматриваются как проекция ментальной составляющей социального пространства.

Как бытийный феномен современное социальное пространство конструируется благодаря коммуникативным технологиям и предстает исследователю как *сеть действий*, совершаемых в определенном пространственно-временном континууме (ситуация) социальными акторами/агентами. Конфигурация различных пространств определяется силовыми отношениями

между акторами/агентами действия, т.е. их стремлением к доминированию, обладанию тем или иным видом капитала, стремлением сохранить/изменить свои диспозиции (т.е. «места» в социальном пространстве).

Современная эпоха – время борьбы за социальное пространство (не столько за природно-географическое, сколько за политико-идеологическое и символическое пространство).

Социальное пространство специфическим образом отражается в сознании, затем мы конструируем свое пространство жизни. Д. В. Михалевский верно отмечает: «На каждом историческом этапе социальное пространство и его структуры отражают уровень и структуру развития сознания человека» [11, с.4].

Как мы уже отмечали выше, формами организации социального пространства могут быть *иерархии и сети*. Иерархии социальных акторов жестко организованы и достаточно сильно «привязаны» к физико-географическому пространству (например, обладание недвижимостью, гражданство). Социальные сети формируются неиерархическим способом, являются экстерриториальными, обладают достаточно высоким потенциалом социальной мобилизации. В современной социальной науке особое внимание уделяется изучению взаимодействия *пространства мест* и *пространства потоков* (пример: пространство мест изменяется благодаря высокой скорости физических перемещений индивидов; возможности удаленной работы и предоставления услуг кардинально меняют социум, создаются «чартерные города»).

Применительно к «социальному пространству» корректней говорить *не просто о структуре, а о его внутреннем строении (конфигурации)*: не все элементы выстроены иерархично, многие рядоположены, построены по сетевому принципу.

Социальные дистанции между акторами влияют на формирование политического пространства, а диспозиции акторов вместе с «напряжениями» между ними, определяют конфигурацию *политического поля*. Пример борьбы за социальное и физическое пространство, которые трансформирует социум: этнические чистки, депортации, приводящие к захвату земли и недвижимости.

Следует отметить *нарративность* термина «социальное пространство». Она проявляется в желании «все рассказать заново», т.е. переосмыслить социальную реальность в специфических терминах, преодолев жесткую дихотомию объективного и субъективного. Новая терминология делает акцент на текучести, фрагментарности и изменчивости. Концепт пространства побуждает исследователя ставить следующие вопросы: «где происходит действие?», «как мы воспринимаем, “отражаем” пространство» и «как мы можем его формировать?», «как индивиды и группы осваивают и преобразуют социальное пространство»? В духе социального конструктивизма ставится вопрос *о придании смысла* осваиваемому социальному пространству. К примеру, в монографии 2014 г. «Перформативность, политика и производство социального пространства», вышедшей под редакцией М. Гласса и Р. Роуз-Редвуда утверждается: «Конституирование политического как пространства социального действия является перформативным. ...теория политической перформативности подчеркивает непредсказуемость/случайность политики, лежащей в основе любого притязания на власть» [12, с.7]. Авторы названной монографии исходят из понимания перформативности как практичности, действенности речевых актов (по Дж. Остину) и роли дискурсивных практик в легитимации власти.

Итак, в социальном пространстве реализуются различные практики по воспроизводству сложившихся отношений на основе устоявшихся в данном социуме ценностей, норм и правил; структурируются новые социальные, экономические, политические и иные практики на основе статусных и мировоззренческих отличий. В различных социальных пространствах складывается свой порядок отношений и иерархий в силу диспозиций, занимаемых ключевыми акторами (диспозиции политических акторов формируют политические поля).

Проблематика социального пространства актуальна для современной политологии. Исследовательская проблема для политологов формулируется так: как социальное пространство становится политическим, как социальные явления политизируются. К примеру, П. Н. Плугатаренко считает, что толчком для изучения категории «политическое пространство» стала «политизация всех сфер жизнедеятельности, качественное изменение управленческих технологий» [13, с. 3].

1.3 Понятие «политическое пространство»

Понятие «*политическое пространство*» все более активно используется в современной политической науке. Изначально понятие «политическое пространство» стало концептуализироваться благодаря геополитическим изысканиям (Ф. Ратцель рассматривал государство как «пространственный организм», Дж. Макиндер называл стратегически важным пространством «хартленд»). При этом политическое пространство приравнивалось к физико-географическому.

Постепенный процесс введения термина «политическое пространство» в современный научный оборот шел под влиянием коммуникативного и сетевого подходов, неоинституционализма. Лейтмотивом названных направлений исследования является *социальный конструктивизм*, направленный на разработку приемов институциональной и символической организации социума. Ограниченность физико-материалистических представлений о политическом пространстве преодолевается. Обозначенную исследовательскую динамику фиксируют многие авторы. Приведем мнение И. Л. Прохоренко: «На сегодняшний день достигнуты несомненные успехи в концептуализации политического пространства: оно все менее жестко привязывается к территории, трактуется почти исключительно как “виртуальное”, хотя иногда и продолжает оставаться синонимом “территории” и “места”, т.е. излишне локализуется, сохраняя дуализм материального и воображаемого» [5, с. 69].

Современные специализированные научные работы по проблемам политического пространства написаны И. В. Котляровым, И. Л. Прохоренко, Г. В. Пушкаревой, А. С. Шустом. Среди авторов, разрабатывающих понятие «политическое пространство» следует назвать Н. В. Гришина, Ю. Г. Жеглову, Н. В. Лунгову, С. А. Мартиросян, Д. Г. Мюллера, П. Н. Плугатаренко, Ю. В. Родионову, А. А. Эбзеева – в их кандидатских диссертациях политическое пространство стало основополагающим термином. В 2012 г. вышла книга «Политическое пространство: пределы изменений и управление в глобализирующемся мире» под редакцией Г. Фергюсона, Б. Джонса.

Н. В. Гришин указывает, что теория политического пространства является «одним из перспективных достижений постнеклассической науки, чей потенциал

пока только реализуется» [14, с. 3, 4]. В настоящее время в политической науке рядом авторов внесен вклад в разработку понятия политическое пространство и выявление его существенных характеристик. Приведем наиболее значимые примеры определений.

Г. В. Пушкарева считает, что политическое пространство является «одним из видов социального пространства, оно фиксирует дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития политических властных отношений, т.е. охватывает не все многообразие социальных различий, а лишь те из них, которые связаны с политикой как особой системой взаимосвязей и взаимодействий в обществе» [15, с. 167].

П. Н. Плугатаренко определяет политическое пространство как «многоуровневое образование, в котором разворачиваются отношения по поводу завоевания, удержания и использования власти» [13, с. 18].

Н. В. Гришин рассматривает его «специфичный феномен политической сферы, образуемый поддержкой социальными агентами политического агента» [14, с. 5].

Политическое пространство существует как:

- объективное пространство существования/наличия политических акторов;
- intersubъективное и коммуникативное пространство взаимодействия акторов;
- символическое пространство борьбы за определенный идеологический проект устройства общества и государства.

Конфигурация политического пространства конституируется политическими различиями (дистанциями) и диспозициями акторов.

Политическое пространство постоянно воспроизводится и конструируется в социальных практиках. Существенную роль здесь играет идентичность политических элит и отдельных индивидов. Индивидуальная и коллективная идентичность рассматривается рядом авторов как фактор, конституирующий политическое пространство (см. работы И. Л. Прохоренко [5, с. 72], Г. А. Пушкаревой [15, с. 169]). Другой значимый фактор – осознание и воспроизводство социальных дистанций между акторами пространства на основе ряда различий (по обладанию различными видами капитала).

Поскольку в политическом пространстве возникают напряжения между его акторами, то постоянно формируются меняющиеся политические поля. Эта идея, высказанная П. Бурдьё, подхвачена множеством современных исследователей. Так, Д. Г. Ротман рассматривает политическое поле как категорию для обозначения «реального пространства, охватывающего территорию определенного государства, в границах которого осуществляется *противостояние идеологических концепций*, предлагаемых населению отдельными политиками, политическими объединениями, группами или альянсами, стремящимися получить правовыми, или в отдельных случаях, неправовыми методами властные полномочия». Внутренняя конфигурация политического поля имеет следующую структуру: «авансцена» – «ядро» – «периферия» [16, с. 4, 5].

Инструментализация понятия «политическое поле» с применением дискурс-анализа позволяет:

- выявить характеристики политического дискурса официальных и неофициальных субъектов политики с точки зрения идеологической конкуренции в социально-проектной деятельности,

- проследить функционирование дискурсивного контроля в структуре массовой культуры,
- раскрыть особенности влияния интеллектуального поля на институционализированное дискурсивное поле политики (как в сфере публичной конкуренции, так в принятии государственных решений).

Применение категорий «социальное пространство» и «политическое пространство» в сфере государственного управления заключается в акцентировании внимания на:

- функционировании политико-административной системы,
- неинституциональных факторах, определяющих динамику политических процессов,
- особенностях формальных и неформальных практик поведения субъектов политики,
- знаково-символическом представлении политики.

Таким образом, на протяжении десятков лет обобщающей категорией политической науки стал термин «политическая система», дополненное понятием «политико-административная система». Следует тщательно заботиться о кристаллизации и сохранении наработанного концептуального ядра теории политических систем, отличая его от поисковой зоны, в которой идет речь как о развитии терминологии, так и объяснительных моделей политики. Концепции социального и политического пространства, политических сетей позволяют исследовать реалии современного информационного общества с характерными для него полицентричными взаимодействиями социальных акторов. Понятие «политическое поле» эффективно для анализа идеологической конкуренции субъектов политики в социально-проектной деятельности. Отличительной характеристикой категорий социальное и политическое пространство является социальный конструктивизм, направленный на разработку приемов институциональной и символической организации социума.

2 Эволюция политического мышления в социальном пространстве и механизмы постановки на повестку дня политики социально значимых проблем

2.1 Понятие и структура политического сознания и мышления

Индивидуальная и массовая рефлексия политики, проявляющаяся в знаниях, представлениях, убеждениях, менталитете, охватывается понятием «политическое сознание». Политическое сознание определяют через «восприятие субъектом той части реальности, которая связана ... с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами» [17, с. 128].

Индивидуальное и массовое политическое сознание имеет сложную структуру: «статичные (ценности) и динамичные (массовые настроения) компоненты: уровень ожиданий людей и оценка ими своих возможностей влиять на политическую систему ...; социально-политические ценности... (свобода, справедливость, демократия, равенство, стабильность, порядок); быстро меняющиеся мнения и настроения, связанные с оценками текущего положения, отношением к правительству, политикам, конкретным политическим акциям» [18, с. 89].

Рефлексия политики в индивидуальном и массовом политическом сознании осуществляется в научной и обыденной формах. Научное политическое сознание в идеале отличается от обыденного. В понимании сущности политического сознания актуальны две перспективы: обыденное политическое сознание; научное знание о сути политики. Компоненты и уровни политического сознания представлены в таблице 1:

Таблица 1 – Компоненты и уровни политического сознания

Критерии	Ценности (догосрочны)	Массовые настроения (ситуативны)
Научно-теоретический уровень (научное познание политики)	Логико-теоретическое обоснование идеологий	Метафорический перефраз теоретических положений
Массовый житейский уровень (обыденное политическое сознание и мышление)	Эмоционально окрашенные идеологические предпочтения	Ожидания от власти по поводу решения конкретных проблемных ситуаций

Обыденное политическое сознание как совокупность ценностей, настроений, эмоций, ожиданий, оценок – есть предмет изучения науки. Однако сами ученые не могут не испытывать на себе массовых настроений и не принимать участие в их формировании.

Продуцирование политических *знаний* всегда было специализированной деятельностью. Политические знания, сформированные философами и социальными учеными, в каждую эпоху специфическим образом проецируются на массы. Формирование *убеждений* как твердой уверенности в чем-либо (в том числе в свое правоте) предстает как индивидуализированный и самостоятельный процесс, происходящий под влиянием *социокультурной среды*. Убеждения, как и представления, включают эмоционально-психологическую составляющую.¹

Политическое сознание есть результат политического мышления как совокупности собственно умственных процессов, лежащих в основе познания политики. Управление социальным пространством должно основываться на научном политическом мышлении. Его правильное постижение и использование есть залог

¹ Наряду с понятиями «общественное сознание», «социокультурная среда», познавательную сферу описывают понятия «менталитет», «идентичность», «габитус». Менталитет, как характерный для определенного народа тип мышления в значительной степени, основывается на процессах идентификации.

Понятие «габитус», введенное П.Бурдьё, отражает представления об индивидуальных и групповых практиках деятельности, которые контролируют воспроизводство и функционирование социальных отношений. По сравнению с понятием массовое «политическое сознание», которое определяет совокупность представлений, оценок и установок о содержании политического поля, а также сопровождающих их эмоциональных компонентов, «габитус» является более широким понятием.

Габитус является результатом институализации наиболее эффективных в определенных исторических условиях социальных практик и закрепления их в качестве таковых в общественном сознании. Границы отдельных габитусов определяются условиями жизни социальных групп, обладающих различными статусами, ролями и капиталами. Габитус является условием устойчивости сложившейся системы социальных отношений. Влияние определенного габитуса распространяется на все поля социального пространства, в рамках которых индивид или группа вступает в интеракции. Габитус не является продуктом исключительно идеальной сферы, т.к. включает деятельностный аспект социальных отношений. Содержание габитуса всегда ретроспективно, т.к. оно формируется исходя из адаптированных к данным условиям социальных практик, определяя границы вероятного и дозволенного для уже существующей системы координат. Политическое сознание, как часть ментальной сферы общества, способно в большей степени отрываться от практики и формировать идейную перспективу развития политического поля.

успешного государственного управления. Однако само научное политическое мышление, его предметная направленность, методологическое обеспечение и теоретическое подкрепление есть результат выбора самого ученого или государственного управленца. Этот выбор начинается с правильного понимания науки как формы познания, умения отличить рациональное или иррациональное представление о политике, а также со знания онтологических и эпистемологических основ научного понимания политики.

2.2 Научное политическое мышление: генезис и сущность

Научное мышление о сути политики выросло из непосредственного политического опыта, заключенного в убеждениях и обобщениях. Проявлением этого стало появление политического знания как социальной технологии. Уже в первых «политтехнологических» трактатах мыслители искали рецепты действия для государей на основе анализа действий их предшественников, по примеру иных систем правления. Гарантией успешности рекомендуемых способов управления было использование исторических аналогий.

Протонаука о политическом мышлении развивалась исторически вместе с иными отраслями знаний в лоне философии. Рефлексия о политике существовала под различными названиями: моральная философия, политическая философия, теория государства. Линией развития научного политического мышления был переход от спекулятивного знания к знаниям, тестируемым эмпирически. На пути от идей Платона и Аристотеля до основания собственно научного политического мышления особое место занимает творчество Никколо Макиавелли. Развитию научного политического мышления способствовали также великие политические коллизии Английской Славной революции и Великой Французской революции. В XIX в. на повестке дня политического мышления возник «рабочий вопрос».

Примером политического мышления XIX в. стали труды А. де Токвилля, К. Маркса, М. Вебера. Эти труды содержали разработку правил демократии, преодоления абсолютной монархии, обоснования парламентских республик, критики бюрократизма: всех тех проблем, которые значимы для современных государств. В исследованиях данного периода содержались каноны научного политического мышления:

- понимание политической жизни на обширном фоне иных социальных явлений;
- систематизация исторического фактического материала для выработки теоретических знаний, выявляющих механизмы развития общества;
- нацеленность на прогноз новых политических явлений и процессов, а также открытие новых исследовательских проблем;
- предоставление исследователям шансов на критику устоявшихся позиций.

За границы науки о политике были выведены все исследовательские школы, которые использовали догматические методы познания: «всевозможные историософии». За границами научного мышления остаются также и те утверждения и интерпретации, которые не могут устоять перед требованиями гуманистики.

Исторически произошли следующие изменения:

- первоначально политическая философия выделилась как самостоятельное интеллектуальное направление, но постепенно произошел переход от выяснения

сущности политических явлений к знаниям об иных явлениях мира политики. Объектом анализа стала деятельность индивидов, живущих в конкретных исторических условиях;

– эмпирическая и нормативная теории политики разошлись в период «бихевиоральной революции». (В профессиональном дискурсе исследователей появился постулат об исключении непосредственного вмешательства идеологии в политический анализ. Идеология не должна влиять на отбор фактографического материала, выбор факторов, объясняющих, а также оценивающих значительность анализируемых событий. Эта позиция проистекает от исследований представителей шотландского Просвещения во главе с Д. Юмом);

– социотехническая полезность научного политического мышления отражает его практически-прогностическую функцию, главным образом эвристического характера.

В период становления политической науки в конце XIX – первой четверти XX в. доминировал институциональный подход как часть позитивистской парадигмы политики. Политическое мышление рассматривалось как вторичный феномен по отношению к политической реальности (политическим институтам). В постбихевиоральный период развития политической науки сформировался устойчивый интерес и нарабатывается методологическая база для изучения политического мышления (сознания) как самостоятельного предмета.

Плюралистическую панораму современной политической мысли создают институциональный и марксистский подходы, бихевиоральный подход (тяготеющий к эмпиризму), критическая школа, структурный функционализм, а также подходы, относящиеся к герменевтике, феноменологии, психоанализу. Больше значение имеет натуралистическое направление – биополитика. Также существует *парадигма обыденного политического сознания*.

Можно сказать, что «научная сцена поделена на два лагеря». Один создаёт систему знаний, развивающихся в рамках методологической модели эмпирической науки. Другой лагерь образуют направления, которые признают, что политические науки (в т.ч. и политическая философия) являются научными, но не обязательно эмпирическими. Столкновение двух лагерей идет по линии противостояния «умеренного сциентизма» с «понимающей гуманистикой». В эпоху постмодернизма ослабление идеала познания объективной истины усилило влияние сторонников герменевтико-антинатуралистической парадигмы.

Основополагающим здесь является *онтологический вопрос*: существует ли политическая реальность вне зависимости от нашего знания о ней? Сторонники *эссенциалистской или натуралистической позиции* утверждают, что социальное бытие обладает внутренне присущими сущностными характеристиками. Данной позиции противостоит *социальный конструктивизм*. *Эпистемологическая* составляющая политического мышления решает вопрос: можно ли установить «реальность» либо «объективность» социальных явлений? Для антинатуралистов нет действительности, независимой от знания, которое политические субъекты приписывают своим действиям. Ни один аналитик не может быть объективным, поскольку подвержен влиянию различных политических сил. Имеет место «двойная герменевтика»: сначала мир интерпретируется политическими деятелями, а их интерпретация интерпретируется политическими аналитиками.

В политической науке онтологическая и эпистемологическая проблематика по-разному рассматриваются представителями позитивистской, реалистической и

герменевтической (или интерпретационистской) парадигм. В каждом историческом промежутке времени в науке доминирует определенная парадигма, которая влияет на решение научных проблем и их интерпретацию.

Рассмотрим позитивистские, реалистические и интерпретационистские основания политического мышления.

Для становления социальных наук ключевую роль имела эмпирическая традиция, заложенная *позитивистами*. Сторонники позитивистской парадигмы настаивают на сходстве социальных наук с естественными. В онтологическом смысле они являются натуралистами: считают, что существует внешняя реальность по отношению к действующим субъектам. Они стремятся к установлению причин политических явлений, делают упор на применении точных научных методов. В категориях методологии на данную научную традицию в значительной мере повлиял логический позитивизм, который взял за основу простое описание явлений.

Позитивисты являются сторонниками натуралистической онтологии и стремятся установить причинные взаимосвязи между политическими явлениями, развивая объяснительные модели политики. Для позитивистов, как и для реалистов (в отличие от сторонников интерпретационистского подхода) мир существует независимо от нашего знания о нём. В позитивизме принимается за основу, что не существует дихотомии «видимость – реальность», и что мир политики – это реальность, а не социальная конструкция. Непосредственное наблюдение тестирует теории. Наблюдатель может быть объективным, проводя подобное наблюдение.

Для позитивистов естественные и социальные науки сходны. Мы можем установить повторяющиеся связи между политическими явлениями, используя теорию для генерирования гипотез, которые подвергаем тестированию в процессе непосредственного наблюдения. Бихевиоральная революция требовала разработки научных методов социальных наук. Это была явная реакция на институционализм. Бихевиорализм опирался на натуралистическую онтологию и на количественные методы и точные данные правительственной статистики, результатов выборов. Например, при исследовании политического участия необходимо измерять избирательную активность, членство в партиях и группах давления, уровень вовлеченности в политику, связывая его с демографическими переменными. Цель – точное установление взаимосвязей между переменными для создания каузальных моделей.

На определенном этапе позитивизм был подвергнут критике. Всякое знание, полученное благодаря чувственному опыту, является опосредованным через понятия, которое мы используем ещё до начала анализа. Научные исследования не являются «свободными от теории», как это считается в позитивизме. Теорию и эксперименты нельзя просто отделить друг от друга: теория влияет на сбор фактов и способ их интерпретации. Социальные структуры в отличие от природных не существуют независимо от деятельности, с которой они связаны. Например, брак является социальной структурой, однако он также является определенной социальной практикой.

Английской политолог Д. Сандерс утверждает, что постбихевиоралисты, которых можно назвать «постпозитивистами» признают, что теория и наблюдения взаимозависимы, а нормативные проблемы не всегда легко отделить от эмпирических проблем. Д. Сандерс продолжает: «Для современных бихевиоралистов окончательным тестом, который позволяет утверждать, что

данная теория достоверна, является ее соответствие наблюдениям. Они готовы воспринять тот факт, что различные теоретические позиции приводят к различным результатам наблюдения» [19, с. 145].

Реалисты в отличие от позитивистов считают, что многие взаимосвязи между политическими явлениями невозможно обнаружить путём непосредственного наблюдения. Реалисты используют как качественные, так и количественные методы анализа политических феноменов. Ключевые идеи классического реализма достаточно полно сформулированы в работах К. Маркса. С точки зрения реалистов, мир существует независимо от нашего знания о нем. В онтологических категориях реалисты, как и позитивисты, считают, что социальные явления и структуры обусловлены причинно-следственными отношениями и взаимосвязями. Имеет место дихотомия действительность – видимость. Например, классический марксизм утверждал, что существует различие между реальными интересами, которые отражают материальную действительность, и осознанными (воспринятыми) «надуманными» интересами, которыми могут манипулировать различные политические силы. В свете этих взглядов следует различать реальные интересы и интересы, которые являются результатом манипуляции.

Однако, сторонники интерпретационистской традиции критикуют тезисы реалистов о том, что структуры (институты) предшествуют социальным действиям. Современный реализм воспринял интерпретационистскую критику и утверждает, что объективная действительность существует, однако, результаты деятельности формируют способ социального конструирования мира.

Герменевтическая или интерпретационистская парадигма является антинатуралистической. Ее представители считают, что мир является социальной конструкцией, делают упор на понимании, а не на выяснении сущности политических явлений. В свете интерпретационистской традиции не представляется возможным установление необходимых причинных связей между явлениями.

Исследователи, представляющие интерпретационистскую традицию, стремятся к *пониманию* сущности политического мышления. Они используют качественные методы, а результаты исследований представляют как одну из возможных интерпретаций взаимосвязей между анализируемыми явлениями. Интерпретационистская традиция составляет противовес позитивизму и объединяет исследователей с различными теоретическими позициями. Основные позиции интерпретационистской парадигмы политического мышления:

– отрицание позиции, что мир существует независимо от нашего знания о нем. Мир социально либо дискурсивно сконструирован. По онтологическому основанию эта позиция является антинатуралистической, она противоположна позитивизму, однако, имеет некоторые общие черты с реализмом.

– социальное не существует независимо от нашей интерпретации и понимания социальных явлений. Интерпретации-значения можно понять только в рамках определенных дискурсов. Следует идентифицировать эти дискурсы и установить способы интерпретации их значения в определенном социальном контексте.

– представители социальных наук сами действуют в рамках дискурсов либо традиций. В результате знание несет с собой определенную теоретическую или дискурсивную упорядоченность.

Вышеизложенные позиции имеют методологическую импликацию. В соответствии с ними не существует объективной истины, мир является социально сконструированным. Количественные методы могут вводить в заблуждение. Необходимо использовать качественные методы, чтобы установить как люди понимают мир. Ученые формулируют генерализации на основе индивидуальных интерпретаций либо повествования (наррации). К примеру, анализируя политическое участие, следует установить, как сами люди понимают под «участием в политике».

По мнению позитивистов, интерпретационистская традиция представляет собой лишь субъективные суждения. А как же формировать обобщенные выводы? Для многих позитивистов проведение таких исследований напоминает работу историка и даже литературное творчество.

В рамках интерпретационистской традиции есть различия между герменевтическим и постмодернистским (либо постструктуралистским) течениями. Герменевтическая традиция является в своей сущности идеалистической. Герменевтика занимается интерпретацией текстов и действий. Это влечет за собой использование этнографических техник (мониторинг участия, «археология» текстов, ведение дневников и т.п.) в целях «гибкого описания» политики [20, с. 134].

Большинство постструктуралистов и постмодернистов являются решительными противниками натурализма и модернизационного проекта, связанного с Просвещением. Этот проект подразумевал, что основой человеческого знания является непосредственный опыт. В связи с этим появляется возможность получить объективный образ действительности, что противоречит «двойной герменевтике». Человеческая история является историей неуклонного прогресса – современные знания опираются на предшествующие знания, усваивая поток информации, которой обладают ученые. Результатом труда исследователя является определенное повествование, которое имеет ситуативный характер, связано с определенным временем и местом.

Мы подчеркнем, что опыт приобретается в рамках определенного дискурса. Язык имеет ключевое значение, поскольку институты и действия приобретают значение только посредством языка. Чтобы понять суть деятельности, политологи должны интерпретировать их в рамках определенного дискурса. Социальный дискурс, а не личные убеждения индивидов играют решающую роль в интерпретационистской версии методологии политической науки.

По нашему мнению, интерпретационистская парадигма вписывается в рамки широкого понимания герменевтики, нежели в рамки постмодернизма либо постструктурализма. Постмодернистский вариант интерпретационистской традиции является столь разнородным, что его трудно характеризовать. Постмодернисты не признают, что существует обоснованная рациональность, которую можно обнаружить в социальных практиках. Однако постмодернистам удалось обратить внимание на значимость обыденных практик для политического анализа, провести редифиницию устоявшихся понятий, с помощью которых мы описывает социальную действительность.

В рамках интерпретационистской традиции существует множество вариантов. Все они являются антинатуралистическими и критически настроенными к позитивизму. Начиная с 1970-х годов эти подходы получили распространение в политической науке. Постмодернистский перелом в социальных науках оказал

влияние и на политологию. Изменилась нормативная политическая теория: исторически она имела натуралистический характер, целью была реализация абсолютной идеи добра и справедливости.

Результаты сравнения позитивистских, реалистических и интерпретационистских оснований политического мышления представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Теоретические основания политического мышления

Позитивистские	Реалистические	Интерпретационистские	
основания политического мышления			
«натурализм»: существует внешняя реальность по отношению к действующим субъектам	«натурализм»: мир существует независимо от нашего знания о нем	«антинатурализм» и социальный конструктивизм: мир является социальной конструкцией. Мир социально либо дискурсивно сконструирован	
применение точных научных (количественных) методов, измерение	используют как качественные, так и количественные методы	Герменевтическое течение	Постмодернистское течение

Для позитивистов и реалистов целью политических наук является формулирование причинных зависимостей. Позитивисты считают, что можно абстрагироваться от нормативных проблем, ориентированы на эмпирические данные, объективность и свободу от ценностных установок. Для реалистов теория играет ключевую роль, способствуя установлению различий между теми политическими явлениями. Исследователи, представляющие интерпретационистскую традицию, стремятся к пониманию сущности политического мышления, используют качественные методы, а результаты исследований представляют как одну из возможных интерпретаций взаимосвязей между анализируемыми явлениями.

Доминирующий в современных социальных науках *конструктивистский подход* в противовес позитивизму и реализму опирается на эпистемологическую интерпретационистскую позицию. Настоящее исследование также основано на конструктивистском подходе с использованием методологии дискурс-анализа.

2.3 Обыденное политическое мышление и механизмы постановки на повестку дня политики проблем различной значимости

На протяжении тысячелетий политика является постоянным спутником жизни человека. Уже в традиционных обществах перед обычным человеком политика представала через сборщиков налогов, в его жизнь политика вмешивалась через постоянные войны. Издревле олицетворением политики во многих странах мира были крупные военачальники, полководцы. Люди постоянно искали лучшей доли в социальном и экономическом пространстве, в тех или иных формальных либо неформальных структурах, желательно престижных и статусных. В то же время для политического лидера политика связана с ответственностью за судьбу сообщества, государства.

Только на рубеже XIX и XX вв. произошли принципиальные изменения в политическом мышлении людей. Появились новые формы политического участия. Каждый человек потенциально может стать участником политической игры.

Достаточно заполнить избирательный бюллетень, чтобы каким-либо образом иметь персональное влияние на формирование политической власти в государстве. Так на политическую арену вышло *массовое политическое сознание*.

Человек уже в эпоху индустриальной цивилизации начал осознавать значимость профессиональных “помощников”. Существенные решения, касающиеся жизни отдельных людей, принимают специалисты-профессионалы: политики, публицисты, ученые, отраслевые специалисты. Это позволяет отдельной личности сохранять равновесие как бы «в тени» их компетенции. Профессиональные сообщества формируют собственный дискурс о политике, влияющий на обыденное массовое мышление о политических явлениях.

В XX в. в качестве искусства управления стал использоваться политический маркетинг. В мышлении управляющих и управляемых, в процессе их личного политического участия формируются обыденные представления о политике. Они приобретают формы рецептов деятельности, метафор. В состав обыденного политического мышления начинают входить убеждения, использование которых может привести к успешному достижению поставленных целей в тех или иных социально-экономических условиях. Таким образом, обыденное мышление о политике – это, прежде всего практическое мышление, субъективный регулятор участия в политике.

Можно согласиться с Н. А. Барановым, который отмечает: «На политическое сознание индивида оказывают существенное влияние социальная среда, к которой он принадлежит, его психологические особенности, характер взаимоотношений, складывающийся между различными социальными группами, обществом и государством, а также собственный индивидуальный опыт в политической жизни» [18, с. 87].

Обыденное политическое мышление – это субъективный регулятор участия в политике. Обыденные представления поверхностны, неясно сформулированы, с трудом поддаются верификации. Для них характерны перефразы теоретических тезисов. Например, эквивалентом теоретического знания об отношениях между сознанием и бытием – «бытие определяет сознание» – является перефраз «у голодных хлеб на уме».

Обыденное политическое мышление вырастает из распознавания людьми конкретных *проблемных ситуаций* и реагирования на них. В таком виде обыденные знания становятся совокупной памятью тех реакций, суммой ответов, которые оказались полезными.

Проблемные ситуации получают социальное звучание, будучи актуальными, как минимум для социальных групп, либо распространяясь на несколько социальных групп, получая отражение в групповом и массовом сознании. Фазу разрешения проблемной ситуации предваряет «постановка проблемы на повестку дня политики», когда на проблему реагируют властные институты. Определение политической повестки дня предлагает Т. Н. Митрохина: «это совокупность наиболее значимых политических вопросов, выстроенных в порядке приоритетности, требующих своего решения и вынесенных на публичное обсуждение» [21, с. 4].

Различают несколько типов повестки дня. Во-первых, публичную/общественную и институциональную повестки разграничивают в зависимости от субъектов формирования. А. А. Казаков следующим образом обосновывает деление повестки дня на общественный и властно-политический

секторы: «у них совершенно разные носители (отдельная личность, социальная группа или общество в первом случае и правящая элита – во втором), эти две разновидности «повесток» разнятся между собой по содержанию и субъекту их формирования» [22, с. 71.].

Публичная повестка дня складывается под воздействием слабо структурированных групп интереса (зачастую скрытых) и средств массовой информации (СМИ), а институциональная – под влиянием руководства страны, государственных и негосударственных институтов.

Во-вторых, по степени соответствия реальности политическую повестку А. Казаков делит на «мнимую и реальную, для внешнего и внутреннего пользования», указывая на несовпадение между «официально постулируемой «повесткой» (заявлениями о намерениях, планах и проектах) и реальными действиями (принятием конкретных решений, законов)» [23, с. 72-73]. Заметим, что нацеленность на разрешение проблемных ситуаций «здесь и сейчас» ведет к игнорированию глубинных закономерностей политики. Как отмечает С. В. Гончарова, «воображаемая общественная повестка определяется СМИ полностью» [24, с.322].

В-третьих, по коммуникативному критерию выделяют информационную повестку дня, или повестку, формируемую СМИ («медийную повестку дня»). Концепцию установки пунктов повестки дня политики как функцию СМИ разработали М. Маккомб и Д. Шоу.

М. М. Мейер верно акцентирует, что информационно-политическая повестка дня «не является ценностно- или идеологически-нейтральным понятием, как то подразумевается в работах американских исследователей, ... формирование повестки дня уже предполагает определенный путь, определенное направление решения стоящих на повестке дня проблем» [25].

Мнения о роли СМИ в формировании повестки дня политики противоречивы. Так, А. А. Казаков утверждает, СМИ занимают «подчиненно-обслуживающее по отношению к политической системе положение»: «СМИ отнюдь не формируют общественную «повестку дня», а все чаще используются властью в качестве орудия для внедрения ее собственной «повестки» в массовое сознание читательской аудитории» [22].

Степень самостоятельности СМИ в формировании повестки дня политики находится в прямой зависимости от степени конкурентности и открытости политической системы: чем более закрыта и неконкурентна система, тем более подчиненной и несамостоятельной будет роль СМИ и наоборот.

Механизмы постановки проблем различной значимости на повестку дня политики вырабатываются политической системой в процессе взаимодействия со своей «окружающей средой» и представляют собой совокупность «каналов» отбора проблемных ситуаций и общественно значимых тем по различным критериям. Примеры таких механизмов: послания главы государства, парламентские дебаты и законодательный процесс, программы социально-экономического развития страны, общественные дебаты и обсуждения социально значимых проблем, официальные заявления высших должностных лиц государства и официальных институтов, программы политических партий, программы и заявления кандидатов на выборах, информационные и общественно-политические публикации и программы СМИ. Эти механизмы служат для консолидации разнообразных вопросов, требований в устойчивые смысловые конструкции. Механизм постановки проблем позволяет

консолидировать проблемные ситуации, актуальные для массового сознания, учитывая группы требований на «входе» политической системы по Д. Истону. В таблице 3 представлена связь требованиями на «входе» политической системы и социально значимыми проблемными ситуациями.

Таблица 3 – Проблемные ситуации, актуальные для постановки на повестку дня политики

Требования на «входе» политической системы	Проблемные ситуации, актуальные для массового сознания
Регулятивные	Национальная безопасность Общественная безопасность Проблемы социального неравенства/социальной стратификации, конструирования социальных полей Проблемы формирования окружающего физического пространства (градостроение, природопользование т.п.)
Распределительные	Справедливое распределение благ Социальная поддержка населения Взаимодействие в системе «наниматель – работник» Право собственности (дилемма: частное – общественное – государственное)
Коммуникативные	Национальная консолидация Чувство национальной гордости/идентичности Целостность/избирательность восприятия истории Поиск смыслов и интерпретация будущего белорусского общества

Методологическими инструментами исследования повестки дня политики являются контент-анализ и дискурс-анализ. К примеру, значительным эвристическим потенциалом обладает дискурс-анализ посланий глав государств парламенту. Так, Т. Н. Митрохина указывает: «Послания президентов страны являются важнейшей составной частью политического дискурса... Назначение послания как акта политической коммуникации состоит в том, чтобы обозначить официальную позицию по отношению к наиболее актуальным проблемам, предложить свое понимание политической реальности, способы решения проблем. Все это вместе складывается в мировоззрение, философию, идеологию и политику государства» [21, с. 4].

Правильно выстроенная политическая коммуникация между властью и обществом дает необходимый организационный импульс для принятия политических решений с учетом наиболее значимых и актуальных в политическом сознании общества на определенном этапе проблем и ситуаций. Примером этого может служить история республиканских референдумов в современной Беларуси, где они выступили механизмом амортизации критических политических ситуаций и способом выражения консолидированного мнения белорусского общества о приоритетных направлениях политики государства. Запрос на постановку на повестку дня политики проблем символического восприятия государства проявился в вопросах о символике и государственных языках на референдуме 1995 г. Проблемы политического устройства суверенного государства, усиления властной управленческой вертикали, принятия новой редакции Конституции

стояли на повестке в 1996 г. Политическое мышление продемонстрировало силу советской ценностной системы в вопросах о государственных символах, переносе Дня независимости, придании русскому языку статуса государственного языка (референдум 1995 г.). Голосование по вопросам, вынесенным на референдум 1996 г., показало высокий уровень поддержки Президента. Результаты голосования продемонстрировали высокую степень организованности массового политического мышления белорусского общества, его единство и преемственность политических позиций. Референдум 2004 г. показал устойчивый запрос на стабильность и усиление властной вертикали. Эти черты продолжают сохраняться и в реакциях на проблемные ситуации, возникающих на современном этапе развития Беларуси.

2.4 Мотивационные факторы ценностного ориентирования обыденного политического мышления

Обыденное политическое мышление складывается не только из представлений о политике и формирует аксиологические поля в политическом пространстве, но и создает убеждения и побудительную мотивацию к действиям. Обыденное политическое мышление выступает социально-субъективным регулятором политической деятельности.

Мотивационную структуру деятельности создают, во-первых, знания субъекта о ситуации деятельности, в которой он реализует свои цели (например, о возможных альтернативных действиях); во-вторых, система ценностей и норм; в-третьих, диспозиционные особенности личности и эмоции (психологические факторы). Мотивационные структуры политических действий складываются, прежде всего, из знаний, убеждений, систем ценностей, обеспечивающих политико-идеологическую ориентацию/ направленность действия. В их числе особенно можно выделить идеологии и политические программы; политические позиции (установки) по отношению к политическим институтам и лидерам; особенности восприятия государственной власти (т.н. уровень легитимации); ментальные структуры, такие, как политические мифы, национальные стереотипы. Ценностные и нормативные структуры обыденного политического мышления неотделимы от мотивационной составляющей политической деятельности. Значимую нормативную роль играет также система права.

Среди факторов, формирующих мотивационные политические действия, следует выделить национальные интересы и групповые интересы (особенно связанные с групповым характером политической деятельности). В последнем случае речь идёт главным образом об интересах политических организаций, а также о личных интересах актива этих организаций. В этой связи можно выдвинуть следующий тезис. Личные интересы связывают актив организации с политикой организации тем сильнее, чем большую твёрдость демонстрирует организация. Поддержка такой организации рядовыми членами снижается при снижении фактической ответственности лиц, занимающих доминирующие социальные роли в организациях [26].

В структуре политического мышления особое место занимает технологический аспект: средства и методы политических действий. Этот аспект политической жизни включает: стиль управления и политического лидерства; доминирующие средства и способы формирования и реализации политической программы. Динамика и причинно-следственных зависимостей выглядит

следующим образом: условия действий → знания об этих условиях (вместе с оценкой) → принятие решения совершить действие → действие → изменение условий действий. Например, распад СССР в конце XX века был эффектом как экономической, военной, политической слабости центральной власти государства во главе с КПСС, так и действий со стороны внешних акторов.

Изменения политической действительности происходят в разном ритме (ритмы политических и экономических изменений). В одном ритме изменяются правящие политические классы. Это есть время политического правления, совпадающего со временем действия определённой экономической структуры общества. В другом ритме происходят преобразования в экономических группах и различных социальных слоях. Это время политического влияния, связанное с нарастанием исторического сознания социальных групп, их организации, изменениями ментальности. Эти перемены также происходят в разноплановом ритме в соответствии с корреляциями исторического и идеологического плана, за которыми следуют изменения поведения и политического настроения.

В процессе создания новой системы ценностей должно наступить объединение *компонентов знания и компонентов формирования действительности*. Здесь мы сталкиваемся со сложной проблемой, каковой является зависимость между знанием и практикой – с одной стороны, и способом формирования поведения в определенной ситуации – с другой: знание должно проявляться в действии, эмоциональные реакции снижают уровень рациональности и затрудняют политический анализ.

2.5 Ценности белорусского народа, эволюция и тенденции развития массового политического мышления в социальном пространстве Беларуси

Степень устойчивости политических предпочтений и запросов обусловлена не только открытой политической коммуникацией, но и ценностными ориентациями общества. Невозможно анализировать политическое сознание без учета их ценностных оснований. Ценности можно определить как «образец позитивно оцененной общественной нормы». Представления о ценностях проявляются в коллективных ответах на ряд общественных потребностей. Социальные системы обладают определенной устойчивостью к насильственному внедрению новых систем ценностей. Как отмечают А. Н. Данилов и Д. Г. Ротман: «процесс изменения базовых ценностей не может быть краткосрочным и требует смены как минимум двух поколений» [27, с. 16].

Общественно-политические предпочтения относительно ценностей формируются как через осознание эталонных индивидуальных достоинств членов общества, так и под влиянием предпочтений определенных социальных групп. Ценности изменяются, когда определенные социальные группы, вопреки сложившимся нормам, создают новые нормы поведения. Бывают ситуации, когда новые образцы ценностей внедряются при помощи насильственных изменений политических отношений. В таком случае мы имеем дело с попыткой укоренения новой системы ценностей с помощью как внутривнутриполитического, так и/или внешнеполитического давления. Подобное развитие ситуации характерно для революционных и постреволюционных состояний общества, когда происходит идеологическая и социальная реструктуризация, внедряется новый ценностно-символический политический язык. Для осмысления событий вырабатываются

новые понятия и смыслы, изменяющие принятые ранее оценки и способы действия. Примером может служить внедрение комплекса ценностей рыночной экономики в сознание постсоветских обществ в целом и определенных групп в частности, нацеленных на завоевание особого элитарного социального статуса, на звание «новой буржуазии». Также внедрение новой системы или искажение устоявшейся системы ценностей возможно в условиях ведения «информационных операций», осуществляемых государствами, СМИ, негосударственными структурами с помощью современных информационных и коммуникационных технологий [28, с. 15-17].

В процессе создания новой системы ценностей должно наступить объединение компонентов знания и компонентов формирования действительности. Ценности связаны как с исторической памятью, национальной идентичностью, так и с повседневными потребностями человека. Укрепление государственности оказывает побудительное воздействие на формирование аксиологических полей в политическом и социальном пространстве белорусского общества. Идет процесс выработки и закрепления мировоззренческих основ жизни, формирование идеологических основ политического процесса, идет поиск идей, отвечающих внутренним, глубинным представлениям белорусов о «правильной» справедливой жизни.

В Послании к народу и Национальному собранию в 2014 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Благодаря единству за последние двадцать лет мы создали то, о чем веками мечтали наши предки, – построили первое в истории независимое белорусское государство. Наш курс выработан всем обществом – молодыми и старшими поколениями, рабочими и крестьянами, предпринимателями и интеллигенцией, сторонниками власти и ее критиками. Всеми, кто неравнодушен к Отечеству и кто любит Беларусь. И если мы и дальше сохраним главную ценность – наше единство, то Беларусь сбережет независимость и продолжит свой уверенный путь в будущее. Именно благодаря единству мы выбрали свой путь в экономике – путь здравого смысла и справедливости. Мы не дали растащить собственность, не дали поделить общество на нищих и богачей, защитили и поддержали человека труда» [29].

Очень важной ценностью для белорусского народа является безопасность. Такая установка формировалась на протяжении всей истории развития белорусской государственности. Мощное влияние сильных региональных игроков, постоянные войны и тяжелые бои, которые разворачивались непосредственно на территории Беларуси, оставили глубокий след в сознании белорусов. Первая строчка государственного гимна гласит: «Мы, беларусы, мірныя людзі». Безопасность как ценность предохраняет общество как от втягивания в рискованную политику, так и от резких социальных изменений.

Национальная идентичность в Беларуси в постсоветский период формировалась на фундаменте процессов национального возрождения и переосмысления этнокультурных особенностей в направлении осознания гражданской идентичности, что было связано с процессами государственного строительства. В последние годы вновь возрастает интерес к духовным традициям прошлого, прослеживается тенденция обращения к культурным компонентам национальной идентичности. В самосознании современного белорусского народа наметились тенденции усиления этнокультурных компонентов идентичности: укрепление символического пространства, определяющего белорусскую

идентичность, мода на национальную символику, белорусские орнаменты («вышыванкі»).

Выделим этапы эволюции политического мышления в Беларуси.

1) Конец 1980-х – 1991 гг. в республиках бывшего СССР шли процессы демократизация политической жизни, а национальное возрождение сопровождалось «парадом суверенитетов». Так, в Декларации «О государственном суверенитете Белорусской ССР», принятой 27 июля 1990 г. Верховным Советом БССР, было провозглашено верховенство законов БССР на ее территории. Наряду с политической демократизацией менялись экономические отношения: шло развитие кооперации и предпринимательства. На государственных предприятиях на смену механизму назначения руководящих кадров пришла выборность руководящих кадров. Это ставило под угрозу ключевую функцию КПСС по подбору и расстановке кадров.

В 1990 г. на февральском пленуме ЦК КПСС было объявлено об отказе от политической монополии компартии. Это разрушило систему идеологической работы, стало еще одним ударом по советской системе ценностей. Властные полномочия союзного центра ослабевали под давлением крепнувших национальных элит. Национальные элиты республик активно боролись за изменение политического пространства. Идеи эволюционного преобразования СССР теряли под собой почву. Первый этап в изменении политического пространства всех республик СССР завершился событиями 19 августа 1991 г. Поражение сил, стремившихся сохранить прежнюю социально-экономическую систему, стимулировало серьезные сдвиги в политическом мышлении. Однако, по прошествии более двух десятков лет, очевидно, что система ценностей, сформированная в СССР, все же не была разрушена полностью. Носителями остались не только люди старшего поколения, но практически все социальные слои, чья социализация пришлась на период существования СССР (кто закончил школу, ссузы и вузы в период СССР).

В Беларуси начало суверенной истории не сопровождалось вооруженным противостоянием политических группировок. Хотя критическое отношение к КПСС нарастало, большинство белорусов активно не выступало за разрушение общественного строя. Внеочередная сессия Верховного Совета БССР 25 августа 1991 г. приняла Закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете БССР». Процесс распада СССР завершился денонсацией договора 1922 г. об образовании СССР и подписанием договора о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) 8 декабря 1991 г.

2) 1992 – 1994 гг. – определяющий этап в формировании политической системы и политического пространства Беларуси, период не только борьбы за власть, но и за выбор формы государственного правления. После принятия Декларации о государственном суверенитете в Беларуси существовала парламентская форма правления. Однако полномочия Верховного Совета Беларуси и Правительства не были четко разведены. Постепенно реальная власть стала концентрироваться в исполнительных органах во главе с Советом Министров. Персональный стиль лидерства, готовность взять на себя ответственность за решение вопросов повседневной жизни граждан стали в данном процессе очень важными. К 1992 г. в общественном мнении Беларуси наметилась тенденция позитивного восприятия президентской формы правления. Новая Конституция

Республики Беларусь, принятая Верховным Советом 15 марта 1994 г., закрепила институт президента.

3) Третий этап изменения политического мышления – вторая половина 1994 г. – ноябрь 1996 г. В этот период были приняты законы о Президенте, Верховном Совете, Кабинете Министров. Шла борьба законодательной и исполнительной (во главе с Президентом) ветвей власти. Показательными в динамике политического мышления данного периода стали два республиканских референдума 1995 и 1996 гг. С содержательной точки зрения можно отметить, что политическое мышление продемонстрировало силу советской ценностной системы: вопросы о принятии символики, переносе Дня независимости, придании русскому языку статуса государственного языка (референдум 1995 г.). Голосование по вопросам, вынесенным на референдум, показало высокий уровень поддержки Президента (референдум 1996 г.).

4) Четвертый этап развития политического мышления – конец 1996 г. по настоящее время – в социальном пространстве одновременно открываются «окна возможностей», что создает высокую вероятность принятия рациональных политических решений в соответствующих сферах государственного управления. В политическом сознании в Беларуси выделяются позиции, характеризующие уровень доверия населения к акторам политической системы: высокий уровень поддержки граждан по отношению к Президенту, властные структуры различных ветвей и уровней управления не получают столь высокого уровня поддержки населения. Оппозиционные акторы стремятся получить поддержку части населения, ориентированы на политическую альтернативу.

К современным тенденциям развития массового политического сознания в Беларуси с нашей точки зрения можно отнести:

- высокий уровень поддержки Главы государства означает поддержку политического курса развития страны;

- высокий уровень поддержки государственного регулирования экономики и социальных процессов;

- высокие ожидания по отношению к действующей государственной власти в сфере социальной поддержки и социальных гарантий;

- скептическое отношение либо настороженность по отношению к оппозиционным политическим силам, неверие в их способность решать практические проблемы жизни государства и рядовых граждан (оппозиционные акторы стремятся получить поддержку части населения, ориентированы на политическую альтернативу);

- идеологическую мозаичность массового сознания: переплетение элементов коммунистической, консервативной, социалистической и либеральной идеологий, доминирование ценностей социального равенства по отношению к свободе;

- многообразие толкования политических идей, когда может достигаться согласие на принятие определенных идей, однако их трактовка различается;

- стремление к усилению элементов национально-культурной идентичности при доминировании процессов формирования гражданской идентичности, идущих под влиянием государственных институтов;

- традиционализм с опорой на выработанный опыт реагирования и интерпретации политических событий внутри страны и за рубежом, следование проверенным нормам и правилам поведения и взаимодействия в социальном и политическом пространстве;

– консолидированность общественного мнения при решении критических политических вопросов, сплочение перед ситуациями, представляющими угрозу стабильности и безопасности общества.

3 Социально-проектная деятельность официальных и неофициальных субъектов политического процесса Республики Беларусь (сравнительный анализ политического дискурса)

3.1 Политическое проектирование социального пространства: сущность и субъекты (концептуальный анализ)

Проектирование социального пространства есть неотъемлемая составляющая устойчивого развития общества. Причиной социального проектирования является необходимость публичного решения возникающих перед обществом социально значимых проблем. Проблема – это сложный вопрос, противоречивая ситуация. Проблема может иметь личный или массовый (общественный) характер. Политика является пространством постановки и разрешения массовых проблем. Где возникает массовость, там возникает публичность, где публичность – там политичность. При этом любая общественная проблема есть совокупная проблема отдельных личностей. Путь превращения личных проблем в одну общественную (интерсубъективную), ее активное выражение, отстаивание в публичном дискурсе и борьба за средства разрешения этой общественной проблемы есть политика.

Однако всякая ли общезначимая проблема становится частью политического пространства и решается в его рамках? Критерий «общности» в идентификации политического недостаточен в силу того, что изначально не определены границы личностного и массового, а понятие «общих дел» является крайне расплывчатым. Невозможно точно разграничить политический и неполитический дискурс, а, следовательно, и выделения субъектов социального проектирования в политическом процессе. С нашей точки зрения, критерий «общности» в идентификации политического должен быть дополнен критерием «устойчивости общественного уклада».

В человеческой культуре проблема требует решения, т. к. в противном случае имеется угроза дестабилизации «разумного порядка вещей». Личная проблема – это угроза для личной жизни, общественная – для общественной. Общественная жизнь есть совокупность укладов (государственного, экономического, правового, социально-иерархического, духовного). Если проблема имеет значение для общности, но не угрожает воспроизводству какого-либо из общественных укладов, то несмотря на ее публичность (массовость, интерсубъективность) она не может быть названа политической и включаться в социальное проектирование в рамках политического процесса. Политичность возникает тогда, когда проблема перерастает из флуктуации общественной жизни (колебания, органичного изменения) в бифуркацию (точку неопределенности). Такая проблема ставится на повестку дня политики и независимо от широты интерсубъективного охвата попадает в фокус пристального внимания всех субъектов политики. При этом именно возможность выразить и претендовать на решение такой проблемы делает социальных акторов субъектами политики, а общественную сферу, в которой эта проблема разворачивается, – политикой.

Таким образом, политическим может быть названо то, что относится к устойчивости общества как уклада. Политический субъект – это та социальная сила, которая обладает возможностью выражать и претендовать на решение проблем, касающихся устойчивости общественного уклада. *Политическая социально-проектная деятельность* – это комплексная практика по получению описания нового общественного уклада (или его основных составных частей), обладающего бифуркационным потенциалом по отношению к существующему общественному укладу.

Конкуренция в политическом процессе – это соперничество социальных сил за возможность выражения и решения политических проблем. Политическая конкуренция в социально-проектной деятельности – это соперничество социальных сил в политической социально-проектной деятельности.

Обозначенные критерии позволяют выявить официальных и неофициальных субъектов политического процесса Республики Беларусь в социально-проектной деятельности.

К *официальным* относятся, во-первых, Президент, Правительство и Парламент Республики Беларусь, которые уполномочены разрабатывать и утверждать основные направления внутренней политики (государственная власть).

Во-вторых, политические партии Республики Беларусь, программы которых являются готовым вариантом «белорусского уклада» и деятельность которых направлена на дальнейшее социальное проектирование.

В-третьих, общественные объединения, политизирующие свою проектную практику.

В-четвертых, ведущие средства массовой информации, ведущие представители научного и экспертного сообщества, которые активно участвуют в артикуляции, агрегировании, обсуждении общественных проблем, говорят от имени сообщества, предлагают социальные проекты с претензией на политичность.

К *неофициальным* субъектам политического процесса Республики Беларусь в социально-проектной деятельности относятся лидеры и активисты спонтанных групп интересов. Эти группы образуются внезапно, чаще всего под воздействием сильных эмоций, реагируя на разочаровывающие их процессы в обществе.

3.2 Конкуренция социально-проектной деятельности в политическом процессе Республики Беларусь

Выше было отмечено, что конструирование социального пространства обусловлено социально-проектной деятельностью политических акторов. Их взаимодействие и сама возможность реализовать свои стратегии характеризуется «жесткой» конкуренцией, обусловленной природой политико-властных отношений. Любой социальный проект влечет изменения в конфигурации политических полей. Дихотомное противостояние «стабилизация – перестройка» обуславливает соревновательность субъектов политической деятельности и необходимость ведения «шоу-политики» для значимого воздействия на общественное сознание и мнение. Бифуркационный потенциал социального проекта определяется не законами синергетики, а публичным притязанием на значимость. В политическом процессе бифуркационно то, что воспринимается как возможная бифуркация. Политическими являются не те социальные проекты, которые обладают бифуркационным потенциалом, а те, которые общественность

воспринимает как обладающие бифуркационным потенциалом. Здесь возникает «ловушка общности», т.е. невозможность определить количественный критерий определения публичной значимости социального проекта.

Так же, как и в случае с определением политичности, количественный критерий неэффективен в выявлении доли значимости социального проекта. Восприятию обществом социального проекта как обладающего бифуркационным потенциалом предшествует его *политизация*. В обществе есть структура, отвечающая за сохранение и воспроизводство сложившегося порядка, – государство. Именно реакция государства на тот или иной социальной проект отражает его политичность. Государственная власть по сути своей всегда консервативна, так как нацелена на сохранение социума. Отметим, что любой внешний социальный проект есть вызов легитимности государственной власти.

В Беларуси государство обладает легитимностью и легальностью на реализацию того социального проекта, который был представлен в предвыборной программе Президента, депутатов Парламента и получил дополнительную легитимацию на Всебелорусском народном собрании. Необходимые реформы представляются населению как органичные процессы в рамках заявленного социального проекта, что свидетельствует о зрелости власти и ее стабильности. Особенностью социального проектирования в рамках официального белорусского политического процесса является, во-первых, то, что конкурентная борьба разворачивается за реакцию государства на социальный проект, как своеобразную «санкцию» на вход в белорусское политическое пространство. Во-вторых, само белорусское государство конкурирует с другими официальными субъектами социального проектирования именно на уровне «входа» в политическое пространство.

Главной целью взаимодействия белорусской государственной власти с иными официальными субъектами социально-проектной деятельности является коррекция политического значения негосударственных социальных проектов. Такой подход белорусской государственной власти обусловлен центральной ролью в решении публичных дел и реализуется главным образом через длительное обсуждение и рассмотрение, если речь идет о социальных проектах вне предвыборных кампаний, и через публичную реакцию, если речь идет о предвыборных баталиях.

Сильная сторона «стратегии непризнания» – это недопущение иных социальных сил в политическое пространство и процесс, отказ в признании стороной политики с целью поддержания стабильности политического процесса.

«Стратегии непризнания» реализуется несколькими способами. Первый – это открытое публичное участие в дискуссии по вопросу о социальном проектировании. Это различные программы передач на государственных каналах с участием представителей научного и экспертного сообщества, общественных организаций. Второй – политизации тех социальных проблем, которые обладают общей значимостью, но по сути своей не относятся к воспроизводству общественного порядка. Третий способ – реализация социального проекта оппонента, но «под именем» государственного курса. Это наиболее эффективный путь в рамках конкуренции за социальное проектирование.

Отсутствие формальных каналов для представления различных социальных проектов несет в себе потенциальные угрозы. В частности, социальная инициатива, не нашедшая реализации в рамках официальных групп интересов, начинает

переходить в неофициальные формы функционирования. Следует учитывать, что наличие негосударственных субъектов политического процесса – одна из форм контроля общественной активности в социальном проектировании и в целом возможность политического управления. Непризнание иных, кроме государства, субъектов политики делает белорусский политический процесс диффузным, а, следовательно, возникает опасность его неуправляемости. Это связано с уходом белорусского альтернативного социального проектирования в рассеянное пространство Интернет и «кухонные» беседы, где оно конституируется как фрагментарный, но постоянно продолжающийся дискурс. Возникает опасность того, что в поздней неомарксистской теории называли «а-локальность политики» (М. Хардт, А. Негри) [30].

Речь идет о политике вне конкретного места и вне конкретных лиц. Политический конкурент в лице не имеющего исходной и конечной точки, обрывистого, рассеянного, но нескончаемого потока эмоций, лозунгов, идей опасен тем, что его крайне сложно четко субъективировать как сторону противостояния. Этот новый игрок не является стороной в борьбе за государственную власть, он от этой борьбы увиливает, формирует свое коммуникативное пространство, борется за публичность, стремится игнорировать официальную власть.

Неупорядоченные группы интересов формируют дискурс неопределенного множества: общность как количественная и локальная единица политического процесса заменяется на имманентное – «говорят». Неофициальное социальное проектирование складывается из этой полифонии голосов и не претендует на «внешнего рецензента». Такое социальное проектирование освобождается от интенции на будущее, оно становится модусом настоящего, его неотъемлемой характеристикой. Однако как все постмодернистское наметившееся белорусское неофициальное спонтанное социальное проектирование уязвимо по причине отсутствия лиц, способных взять на себя ответственность за предлагаемые варианты развития страны. Белорусское неофициальное спонтанное проектирование бездейственно. Оно застрянет в настоящем как повторяющееся воспроизводство проектной практики. Потенциально все будут разделять общую значимость социального проектирования, полученного в рамках неофициального дискурса, но не как план действий, а как приятную свободу действия здесь и сейчас. Возникает ловушка синдрома «отложенной жизни» в народно-историческом масштабе.

«Симулякр третьего порядка» (по Ж. Бодрийяру) – это, скорее всего, не то к чему должно прийти белорусское гражданское общество. Белорусская государственная власть проявляет прагматическую мудрость и использует складывающуюся деструктивную активность как фактор стабилизации системы белорусской государственности. И главное здесь – умение играть по правилам постмодернистского спектакля, контролировать дискурсивный поток, не прибегая к его подавлению [31].

4 Дискурсивный контроль в структуре массовой культуры (концептуальный анализ)

4.1 Роль массовой культуры в политике

Современный политический процесс функционирует на разных уровнях – от локального до глобального. При всей специфике протекания политического

процесса в рамках национальных государств есть общие факторы, которые оказывают воздействие на политику. К таким «вызовам» относится перманентное распространение массовой культуры, которая влияет на политическое пространство современности.

Общепризнанного определения массовой культуры не существует. Сложившаяся ситуация имеет свое объяснение: понятие «массовая культура» включает в себя несколько значений. Во-первых, «культуру» как особый продукт или духовную ценность. Во-вторых, «массовость» как степень распространения продукта или социокультурный феномен. Отсюда и определения массовой культуры, с одной стороны, как культуры повседневной жизни, доступно предоставляемой аудитории средствами массовой коммуникации; с другой стороны, как особого состояния культуры в кризисный период общества, когда развивается процесс распада ее содержательных уровней [32, с. 4; 33, с. 103]. Эти определения отражают два наиболее распространенных подхода к пониманию сущности массовой культуры.

Массовая культура есть объективное историческое явление. Ее генезис связан с появлением «народной» культуры рабочих в противоположность элитарной культуре аристократии в эпоху становления крупного промышленного производства. На становление массовой культуры повлияли расширение международной торговли, развитие книгопечатания, кинематографа, СМИ, маркетинга, рекламы, всеобщего образования, а также ослабление государственной и церковной цензуры. Исследователи не сходятся на конкретной дате возникновения феномена массовой культуры. Различные явления культурной жизни, которые мы сейчас именуем прототипами массовой культуры, действительно имели место в разные времена. Однако структурностью и тенденцией на постоянное воспроизводство массовая культура начинает характеризоваться именно в постиндустриальном обществе.

Согласно американскому социологу Д. Беллу массовая культура – это своего рода организация обыденного сознания в информационном обществе, особая знаковая система или особый язык, на котором члены информационного общества достигают взаимопонимания [34, с. 647]. Массовая культура является предпосылкой быстрого налаживания взаимопонимания как между отдельными личностями, так и между нациями и этносами. Это возможно в силу общности потребностей и ценностей, общности «культурного кода» современного человека на глобальном уровне. В этом позитивное значение массовой культуры. Канадский философ М. Маклюэн утверждал, что современный мир «сжался до размеров деревни». Из-за усовершенствования технологий обмена информацией у людей появилась возможность все основательнее вторгаться в жизнь друг друга, рассуждать обо всем увиденном и услышанном [35, с. 6].

Современный белорус является частью этой глобальной деревни. Он хорошо «вооружен» современными гаджетами, имеет свободный доступ к транслируемой информации, его социальные запросы соответствуют «мейнстриму» социальных ожиданий «глобального человека». В восприятии «другого» конфессиональное и этническое становится атрибутивным, когда на первый план выходит общее «переживание» потребностей. Массовая культура делает белоруса космополитичным и реагирующим на проблемы «других». Отныне «любой другой» есть «потенциальный я». Тем самым массовая культура становится основой глобальной солидарности и модусом развития человечества.

Однако феномен массовой культуры имеет и другую сторону. Массовая культура в планетарном масштабе в своей содержательной части представляет феномен распространения массовой культуры именно стран Запада. Эта культура в основе своей гуманистическая и демократическая, несет образцы должного поведения. Однако она воспроизводится как составная и неотъемлемая часть глобального капиталистического порядка, что деформирует ее возможное благое предназначение.

Массовая культура прививает нормы необходимые человеку для успешного функционирования в обществе. В этом можно видеть социализирующую роль культуры. Однако, будучи частью капиталистического порядка, массовая культура может транслировать только образец поведения необходимый для успешного развития капитализма. «Идеальный человек» для капиталистического порядка не гуманист и демократ, а лояльный потребитель. Массовая культура – это культура потребления, ее цель поддерживать необходимый уровень потребления посредством воспроизводства в массовом сознании ощущения недостаточности и нехватки различных благ. При этом потребление имеет значение для капитализма не только как способ накопления капитала через непрекращающуюся реализацию продукта, но и как способ получения капитала через сопутствующую возможность непрекращающейся эксплуатации труда. Дело в том, что для того чтобы быть потребителем необходимо иметь средства для потребления. Культура потребления навязывает человеку не только «обязательную» для современности роль покупателя, но и «обязательную» роль продавца своего труда, что и обеспечивает воспроизводство капиталистического порядка.

Потреблять можно не только вещи, но и модели поведения – имиджи. Гуманистические и демократические идеалы массовой культуры суть товары широкого потребления. Они часть капиталистической индустрии (индустрия массовой информации и коммуникации, индустрия туризма, отдыха и досуга, индустрия здорового образа жизни и охраны окружающей среды, индустрия благотворительности). Это не значит, что от этих идеалов надо отказаться. Надо лишь понимать, что гуманистические и демократические интенции современного человека находятся в фокусе внимания капиталистической индустрии и подвергаются вписыванию в модели «стимул–реакция», «спрос–предложение», «продажа–покупка». Глобальное пространство, в которое погружен современный человек и на которое он так активно реагирует, есть продукт интеллектуальной деятельности профессионалов: журналистов, рекламных агентов, сценаристов, режиссеров, дизайнеров, ученых. Мир таков, каким его «показали». Массовая культура обращена к простым эмоциям «среднего» человека (страх, зависть, ненависть, самодовольство). Активная реакция современного человека на мир оборачивается лишь одной из сторон потребления, становится «покупкой» занимательности, развлекательности, чувств и эмоций. Мир для современного человека становится ближе, но не как реальность бытия, а как спектакль окружения. При этом чувство общности и сопереживания с миром не уменьшается, а наоборот усиливается через массовое потребление информации о нем.

Массовая культура западного общества приходит в Беларусь как способ включения белорусов в глобальную систему потребления, а, следовательно, в глобальный капиталистический порядок. Это экономическая цель в рамках функционирования глобального капиталистического порядка и расширения рынков сбыта. Потребление – это объективное явление. Человечество потребляло всегда.

Сегодняшняя мировая ситуация отличается же тем, что потребление, как отмечал Ж. Бодрийяр, не является результатом свободного выбора, а формируется внешним принуждением. Поэтому, исследуя проблемы потребления, не стоит фокусироваться только на этической проблеме в рамках «процесса наслаждения». Проблема потребления должна рассматриваться «в политическом плане», и «отправным пунктом» анализа должно стать исследование потребления «стратегически» как механизма власти [36, с. 101–102]. Экономическая функция (задача) массовой культуры должна привести в итоге к реализации интереса транснационального капитала как основного получателя доходов от современного глобального потребления. Отдельному человеку сложно противостоять натиску транснациональных корпораций, государство же способно включить механизмы защиты, начиная от массового просвещения и заканчивая экономическими барьерами. Однако действовать государство должно в интересах граждан и на основе легитимности, подрыв которой является одной из функций массовой культуры.

Белорус как глобальный гражданин-потребитель становится и глобальным работником. Цель транснационального капитала не только продать товар, но и купить труд белоруса за те деньги, которые он потом потратит на покупку этого товара. Это и означает переход от «работы ради жизни» к «жизни ради работы» и полное торжество капитализма не только для отдельного человека, но и для целых государств.

Работать и потреблять одинаково в рамках глобального капитализма не получится. Об этом писали еще во второй половине XX в. представители неомарксистской «теории зависимого развития» (С. Амин, Р. Пребиш, Т. дус Сантус, А. Г. Франк). «Зависимость» определяется неомарксистами как положение государства, при котором состояние его экономики определяется «развитием и расширением» экономики другого государства [37]. Т. дус Сантус писал, что отсталость тех или иных государств должна быть понята не как их недостаточная интеграция в международный порядок, а, наоборот, как результат этой интеграции и принятия «рекомендованных» странами-гегемонами путей развития [37]. В фокус внимания должны быть поставлены не конкретные проблемы модернизации развивающихся стран, а модернизация как политика «центро-периферийного» структурирования глобального порядка. Имеет место структурная необходимость капиталистического порядка в определенном виде интеграции развивающихся стран в глобальный капитализм. Сделать это «колониальными» способами в постколониальном мире невозможно, поэтому и пришлось использовать механизмы так называемой «мягкой силы» или более точно «культурной экспансии». Это и дало возможность реализовать господство не как репрессивное, а как этическое и символическое.

Массовая культура открывает огромные возможности для воздействия на обыденное сознание и формирование определенных ценностных ориентаций в экономике и моделях поведения в политике. Массовая культура осуществляет «духовное оформление экономического и политического господства определенных классов» [38, с. 113]. Власть репрессивная становится «властью символической» (французский социолог П. Бурдьё [39]), не изменяя содержание, а изменяя способ собственной реализации. Англо-американский исследователь Д. Харви утверждал, что, «когда важные политические и экономические вопросы превращаются в проблемы культуры, они становятся неразрешимыми» [40]. В результате создается

«комфортная репрессивность», которая не вызывает политического протеста, а формирует лишь недовольство на уровне «брожения», которое связано с недостаточным уровнем потребительского комфорта.

Роль массовой культуры в политике разных стран различна и зависит и от стартовых позиций обществ, и от глубины включения в глобальные процессы. Реализация господства транснационального капитала в Республике Беларусь посредством массовой культуры обладает своими особенностями. В Беларуси этот процесс еще не завершен, а, следовательно, возможен его поворот вспять.

Для реализации господства транснационального капитала в Республике Беларусь необходимо решение нескольких задач. Первая задача – ознакомление с культурой массового потребления («масс-маркет»). Потребление – естественное и органичное явление нашей жизни. Поэтому никакого специального механизма для прививания нам ценности потребления не было. Вторая – принуждение белорусов к массовой культуре потребления как «модусу бытия» (из терминологии Э. Фромма [41]). «Принуждение к потреблению» и его активная явная и неявная пропаганда началась после распада СССР. С нашей точки зрения, шок от развала государства, фрустрация, потеря идеологических ориентиров – послужили благодатной почвой для быстрого замещения этого «ценностного вакуума» о правильном стиле (смысле) жизни по западному потребительскому образцу. Белорус стал «массовым потребителем», идентифицировался в этом с европейцем/американцем. И чем больше повышалось благосостояние белоруса, тем больше ему демонстрировали «правильные» предметы вожделения, тем более ему хотелось «иметь» то, что имеют «они». При этом предмет вожделения имел конкретное имя: марка машины и телефона, бренд одежды, изготовитель мебели и продуктов питания, присутствие в определенных социальных сетях и т.д. Э. Фромм, описывая подобную ситуацию на Западе в середине XX века, отмечал: «На самом деле людям кажется, что это они принимают решения, что это они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил или внешних условий и «хотят» именно того, что им приходится делать» [42, с. 23].

Главную роль во включении белорусов в потребление как образ жизни сыграли (и играют) СМИ. Массовая культура «приходит» через информационный поток. Массовая манипуляция потребностями становится возможной благодаря тому, что в современных условиях для создания толпы (некритической массы населения) не нужен физический контакт между ее элементами. Толпа образуется тогда, когда индивиды изолированы и соединены через экран. Формируется виртуальная толпа, у которой из процесса получения информации исключается альтернатива и диалог, создающий важнейшую защиту против манипуляции сознанием [43, с. 363]. Непрерывающийся поток «информационного шума» не дает достаточных промежутков тишины, чтобы сосредоточиться и самостоятельно переработать информацию. Сталкиваясь с информационными перегрузками, современный белорус не имеет другой альтернативы, кроме как восприятие по образцам. В условиях современной информационно-коммуникационной революции и гипертрофированного информационного насыщения социальной реальности семья и школа начинают уступать свою роль в политической социализации личности и определении авторитетов. Главенствующее значение приобретают «эксперты СМИ», в роли которых выступают не только журналисты, политики, ученые, но и представители шоу-бизнеса. А. А. Зиновьев отмечал, что в

ходе «холодной войны» была выработана стратегия «западнизации» для установления нового мирового порядка. Идеологически этот процесс преподносился как освободительная миссия цивилизованного Запада по отношению к развивающимся странам [44, с. 410]. Частным аспектом «западнизации» является американская культурная экспансия и феномен Голливуда как мирового идеологического центра.

Третья задача транснационального капитала – активное участие белорусов в глобальном потреблении продукции транснационального капитала и его производстве. Здесь проявилась особенность белорусской ситуации. О белорусах, включенных в глобальное потребление как культуру, нельзя сказать, как о включенных в глобальное потребление как экономику. И главное здесь не только отсутствие повсеместного производства транснациональных корпораций, но и возможность белорусской экономики удовлетворить белорусскую культуру потребления национальным продуктом. Парадокс в том, что укоренение ценности потребления оборачивается для Беларуси фактором экономического роста. Формула «думаем глобально – потребляем национально» означает и развитость экономики, и ее безопасность, и силу, и правильность экономического курса белорусского государства. Подобная ситуация – успех Беларуси и угроза. Можно согласиться с украинским исследователем А. Блюминовым, что «иностранные инвестиции – это путевка в третий мир» [45]. Нынешняя экономическая политика Республики Беларусь – это стратегия избегания неолиберального рецепта «ловушки бедности» без культурной изоляции страны. Подобная политика – роскошь для современных государств, что и определяет попадание Беларуси под «прицел» неоимпериалистической экспансии.

Первоначальным результатом принятия универсальных неолиберальных рекомендаций становится разрушение экономики как материальной базы национальной независимости. В последующем «финансовые центры берутся за восстановление государств и реорганизуют их согласно новой логике мирового рынка» [46]. Имеет место феномен «шоковой терапии» [47]. Полученное в результате неолиберальной модернизации государство «стремится к самосокращению до “необходимого минимума”», до репрессивного аппарата, «обыкновенного аппарата безопасности» капитала [46]. Однако это возможно только тогда, когда государством утрачена легитимная возможность от имени населения защищать национальный интерес. Здесь и реализуется политическая функция массовой культуры.

Массовая культура транслирует модели поведения как субъективности (идентичности), где главная модель – это модель не критического восприятия сложившегося порядка как универсальности. Потребление становится универсальной моделью поведения, а капиталистический порядок – объективной и неоспариваемой реальностью. Г. Маркузе констатировал, что это вызывает у людей «чувство вины», в силу того, что любое сопротивление оборачивается сопротивлением «против разумного порядка» [48, с. 100–101]. Результат – «одномерный человек» (термин Г. Маркузе). Этот человек функционально приспособлен к потребностям экономики общества потребления. Однако неразвитость критического разума приводит к тому, что «одномерный человек» теряет способность поместить события в систему политических координат. Консолидируя человечество вокруг ценности потребления, массовая культура формирует не только «глобального покупателя», но и «глобального гражданина»,

который отныне активно противится воле государственного суверена, стремящегося защитить его от капиталистического порабощения. Г. Маркузе писал: «Независимость мысли, автономия и право на политическую оппозицию лишаются своей фундаментальной критической функции в обществе, которое, как очевидно, становится все более способным удовлетворить потребности индивидов благодаря соответствующему способу их организации. Такое государство вправе требовать принятия своих принципов и институтов и стремится свести оппозицию к обсуждению и развитию альтернативных направлений в политике в пределах status quo» [49, с. 2].

Экономической системе в глобальном масштабе необходима легитимация и свобода от легального вмешательства отдельных государств. Если обратиться к аргументации немецкого философа Ю. Хабермаса, то можно сказать, что «лояльность масс» на это обеспечивается через рационализацию «жизненного мира» посредством «социально-структурных фильтров доступа к формированию общественного мнения» или через деформацию структур «общественной коммуникации» при помощи манипулирования «потоками информации» [50, с. 123, 127]. Белорусский ученый В. Н. Фурс, исследуя творчество Ю. Хабермаса, писал, что легитимация порядка предполагает «эксплуатацию смысловых ресурсов жизненного мира» [51, с. 136]. Другими словами, речь идет о функционировании дискурсивного контроля в структурах массовой культуры.

4.2 Критический дискурс-анализ в политических исследованиях

В современной политической науке широко распространен идейно-ориентированный, социально-конструктивистский подход. Предметом анализа в рамках данного подхода являются идеальные факторы: intersубъективные/коллективно разделяемые знания, представленные в форме дискурса. Дискурс является динамической основой формирования культуры как определенного социально-исторического текста. Он создает знаково-символические и смысловые блоки, отражающие контекстное существование социальной реальности во всех её проявлениях – экономическом, социально-гуманитарном, духовном, политическом. Социальность есть реализация людьми текста культуры в практиках. Рефлексия (осмысление) над социальностью, выраженная практикой речи, есть дискурс. Дискурс всегда детерминирован культурой и осуществляется как социальная интеракция. Другими словами, дискурс есть детерминированная ситуацией практика интерпретации ситуации.

М. Йоргенсен и Л. Филлипс предложили конструктивистское понимание дискурса как «формы социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов» [52, с. 24]. Указанные авторы также определяют дискурс как «форму социальной практики, которая и конституирует социальный мир, и конституируется в других социальных практиках» [52, с.110].

Политический дискурс как конкретные речевые практики субъектов власти и политики формирует политическое пространство. В социальном пространстве различают личностный и институциональный дискурсы. Политический дискурс включает следующие разновидности: дискурс политиков (официальный и

альтернативный дискурсы), дискурс экспертного сообщества политологов-аналитиков, житейский/обыденный политический дискурс.

Методом изучения политического дискурса выступает *дискурс-анализ*. Политический дискурс можно изучать на лексическом и тематическом уровнях. Лексические особенности дискурса проявляются в синтаксических структурах языка (строении словосочетаний и предложений, взаимодействии различных частей речи в тексте) и в специальных риторических приемах, а также приемах для усиления выразительности речи (стилистических фигурах). Отличительной характеристикой политического дискурса является смысловая неопределенность и идеологичность. А. С. Меньшиков указывает, что при анализе политических дискурсов возникает ряд проблем: двусмысленность, семантическая двойственность высказываний; лексическая изменчивость, неопределенность и размытость понятий [53, с.89-90].

Дискурс-анализ имеет несколько разновидностей: анализ политических сюжетов, дискурс-рамка, критический дискурс-анализ (см. работы О.В. Поповой). Эффективным методом изучения дискурсивных способов конструирования социального и политического пространства является *критический дискурс-анализ*. Критический дискурс-анализ нацелен на выявление того, каким образом в коммуникативном взаимодействии и речевых практиках закрепляются властные отношения, различные формы социального неравенства и дискриминации. Здесь важна именно репрессивная составляющая дискурса как формы властного действия. Критический анализ дискурса требует описания как «социальных процессов и структур, которые привели к появлению текста, так и социальных структур и процессов, внутри которых индивидуумы или группы как социально-исторические субъекты создают значения во взаимодействии с текстами» [54].

Поначалу он являлся слабо формализованным методом, что снижало степень достоверности получаемых выводов. Благодаря работам Н. Фэрклоу в научных оборот вошла достаточно проработанная схема критического дискурс-анализа. Критический дискурс-анализ включает изучение не только власти дискурса как одноразового действия, но и истории и идеологии дискурса. Речь идет о продолжающемся во времени и пространстве дискурсивном контроле социальности. При этом дискурсивный контроль отличен от индоктринации в сознание индивидов определенных идей. Ведь образовательный процесс тоже может быть рассмотрен как определенная разновидность дискурсивного контроля. Однако без закрепления в обществе определенных иерархий и их воспроизводства социум не смог бы существовать. Политологический аспект возникает при рассмотрении дискурсивного контроля как формы господства. Дискурсивный контроль является формой господства, если «такой контроль проводится в интересах доминирующей группы и если реципиенты не имеют “альтернативы”, т.е. других источников (экспертов, писателей); других дискурсов» [55, с. 8]. Идеологические клише являются первичными единицами дискурсивного контроля.

Дискурс как коммуникативная практика может быть направлен на формирование социального согласия (воспроизводство культуры) или несогласия (диалектическое развитие культуры). Такой исторический детерминизм исходит из гегелевской установки, что люди делают свою историю на основе уже существующих обстоятельств, но делают историю именно люди, а не обстоятельства. Ж.-П. Сартр писал, что человек действует в ситуации заданности условий бытия, но социальная сущность человека состоит именно в «преодолении»

ситуации. Парадокс в том, что сама общественная ситуация есть «продукт» практики человека. Каждый момент человеческой жизни есть момент воспроизводства социальности и одновременно возможность ее преодоления. Тотальность бытия есть «не застывшее противоречие», а есть «движение» противоречия в социальных практиках. Поэтому, в конечном итоге, у Ж.-П. Сартра речь идет о возможностях человека в рамках социальной тотальности [56, с. 107–109, 114]. Установление того или иного политического дискурса в качестве господствующего и невозможность его преодоления посредством критического восприятия реальности и есть политическая функция массовой культуры.

4.3 Технология дискурсивного контроля: неолиберальный вызов Республике Беларусь

Универсалистский дискурс позволяет транснациональному капиталу получить массовое согласие «на моральное право господствовать» [57, с. 47]. Идеология капиталистического универсализма обосновывает всю систему капиталистических отношений как воплощение здравого смысла [58, с. 144] и, таким образом, является фактором ее легитимации.

Американский социолог И. Валлерстайн утверждал, что «универсализм» разрабатывался европейскими лидерами и интеллектуалами «ради защиты интересов господствующей страты современной мир-системы». Существуют три момента идеологического обоснования «европейского универсализма». Во-первых, защита прав, свобод человека и оказание содействия в развитии демократии. Во-вторых, представление ценностей западной цивилизации в качестве универсальных. Этот универсализм поддерживался реальными достижениями западной цивилизации, ее экономическими и социальными успехами. В-третьих, представление о безальтернативности путей развития государств периферии и полупериферии, для которых единственный путь – принять «рыночные истины и действовать согласно законам неолиберальной экономики» [57, с. 4]. В идеале навязанный неолиберальный общественный дискурс должен привести к публичной критике властей за недостаточное включение страны в мировой капиталистический порядок.

Самый простой способ «наводнить» белорусское пространство дискурса неолиберальными идеологемами (первичными единицами дискурсивного контроля) – это «переделать» язык и заполнить сознание словами с неопределенными смыслами. К примеру, понятиями по-разному трактующимися в политическом дискурсе являются «свобода», «демократия», «гражданское общество», «права человека», «гражданская активность», «требования времени», «структурная перестройка экономики». Эффективным средством преодоления критического восприятия информации является сила и повторения. То, что в результате частого повторения запоминается, действует на сознание независимо от оценки.

Также в дискурсивных технологиях имеет место прием нагнетания ощущения срочности [43, с.200]. Массовая культура потребления – это культура быстрого неразборчивого потребления. Она навязывает страх «не успеть» прожить жизнь и остаться в неудачниках. Эти настроения транслируются и на политическое пространство, где быстрые неразборчивые реформы сродни товарам. Повторяющийся дискурс «кризиса», «борьбы за инвестиции» и «места в мировой

торговле» приводят к спешности, непродуманности реформ. Поэтому умение в подобной ситуации остаться преданным выбранному продуманному ранее курсу есть свидетельство политической зрелости государственной элиты.

Массовая культура, воспроизводящая посредством массовой коммуникации, становится не просто механизмом воспроизводства современной политики, но и ее определенным маркером. В политику все шире проникают такие черты массовой культуры, как ориентация на «демонстрационный эффект». И чем более ярко и эмоционально преподнесена та или иная идеологема, тем больше вероятность ее широкого восприятия. В структурах массовой культуры нет места рассудительности и осторожности, т.к. все разворачивается в рамках информационного потока политических шаблонов и клише. Политический язык обладает своими особенностями. Он содержит много слов-символов и служит системой, позволяющей отличить «своих» от «чужих». Главная цель неолиберального дискурсивного контроля – сделать адептов «особого пути Беларуси» чужими для основной массы населения.

Еще в 1970-е годы французский философ Р. Гароди писал, что «политической проблемой» столетия, становится возможность сосредоточить в своих руках «ужасную власть», обладая такими ресурсами, как информация и возможность организации [59, с.17]. Роль и функции, выполняемые средствами массовой информации, определяются не столько границами их реальной власти и влияния, но прежде всего тем, кто имеет к ним преимущественный доступ. Поэтому проблема собственности и контроля над ними становится ключевой в Республике Беларусь. Проблема в том, что конечным результатом симбиоза власти и средств массовой информации становится значительное возрастание самомнения журналистов, уверовавших в свою способность определять характер политической жизни.

Критический дискурс-анализ «рассматривает язык и общество не как отдельные, но как диалектически взаимосвязанные сущности» [54]. Роль массовой культуры в политике демонстрирует, что современная политическая борьба все более уходит в семиотическое пространство. Необходимо учесть этот новый аспект государственного управления социальным пространством и выходить на формирование собственной независимой и эффективной символической политики.

Таким образом, массовая культура стала важнейшим фактором развития современного общества. Однозначной оценки массовой культуры в современных исследованиях нет, хотя в большинстве из них обращается внимание на ее негативные воздействия, в частности, на стандартизацию, унификацию, примитивизацию, коммерциализацию духовного производства. Воздействуя на все сферы общественной жизни, массовая культура активно влияет и на современный белорусский политический процесс, и политическую социализацию белоруса. Эвристический потенциал критического дискурс-анализа дает возможность выявить технологии дискурсивного контроля в структурах массовой культуры. В политическом процессе складывается «культура политического развлечения», которая через средства массовой информации (в первую очередь, через интернет) дает упрощенное понимание, интерпретацию и осмысление политической реальности. Подобное упрощение восприятия политики открывает широкие возможности для внешнего дискурсивного контроля, манипулирования общественным мнением в Республике Беларусь и искусственного конструирования

ответных политических реакций в интересах транснационального капитала как главного получателя благ от глобального потребления.

Вместе с тем не следует однозначно оценивать роль массовой культуры в политике. При рациональном конструировании массовой культуры в ее продуктах могут быть заданы ценностные образцы политического, может проводиться идейная трансформация продуктов массовой культуры через ее наполнение новыми культурными кодами. Массовая культура как форма глобальной коммуникации, может иметь позитивное значение для диалога культур и стабилизации международных отношений. Массовая культура как технология эффективна для трансляции заданных создателями норм политического участия и ценностей политического поведения. Решающую роль в такой трансформации массовой культуры может сыграть привлечение критического потенциала в общественный и политический дискурс. Здесь речь идет о направляемой символической политике.

Символическая политика – это сфера глобальной и национальной конкуренции за интерпретацию социальности [60]. Идеино-символическая составляющая политических процессов становится в современном мире главным "маркером" политического противостояния и господства. Умение и способность конституировать и отстаивать самостоятельное видение социальности, наполнить ее полезным для национального развития дискурсом и выстроить собственный идеологический стержень есть показатель эффективной символической политики. От ее реализации во многом зависит белорусский «государственный иммунитет» к глобальным вызовам современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) Проведенный анализ показал, что на протяжении десятков лет обобщающей категорией политической науки было понятие «политическая система». Концепции социального и политического пространства, политических сетей позволяют дополнить системный анализ исследованием полицентричных сетевых взаимодействий социальных акторов.

Определен проектный потенциал категорий социальное и политическое пространство в политической науке. Их отличительной характеристикой является социальный конструктивизм, направленный на разработку приемов символической и институциональной организации социума. Выявлено, что применение понятия «политическое пространство» позволяет анализировать сразу несколько составляющих политической реальности:

- пространственную локализацию тех или иных политических институтов по линии «центр–периферия»;

- интересубъективное и коммуникативное пространство взаимодействия акторов;

- символическое пространство борьбы за определенный идеологический проект устройства общества и государства.

2) На конфигурацию социального пространства в каждый исторический период влияет уровень развития сознания и мышления. Политическое сознание включает знания, обыденные представления, убеждения, зависящие от доминирующих либо субкультурных ценностей. Понятие «политическое мышление» как составная часть понятия «политическое сознание», отражает специфику аргументации как формы социально-политического дискурса и особенности эмоционально-психологического восприятия политики. Изучение политического мышления нацелено на выявление средств и инструментов достижения целей общественной политики, на определение и раскрытие сущности политических проблем.

Выявлены компоненты и уровни политического мышления. В качестве компонентов выступают ценности (имеют долгосрочный характер) и массовые настроения (ситуативны, связаны с объективными и конструируемыми проблемными ситуациями). Научное мышление о сути политики формирует научно-теоретический уровень, а обыденное мышление об общественно значимых проблемах формирует массовый житейский уровень политического мышления. Обыденное политическое мышление в основном оперирует представлениями о политике, переплетается с эмоциями, «ценностно окрашено».

3) Проанализирована эволюция научного политического мышления. Выявлены онтологические (постулаты о политическом бытии) и эпистемологические (познавательное отношение к миру политики) основания научного политического мышления. Конструктивистский подход в противовес позитивизму и реализму ориентирован на изучение того, как социальная реальность презентуется и интерпретируется официальными и неофициальными субъектами политики. В данном исследовании использован конструктивистский подход и методология дискурс-анализа.

4) Обыденное политическое мышление проявляется в распознавании людьми конкретных проблемных ситуаций и реакциях на них. В таком виде обыденные знания становятся совокупной памятью тех реакций, суммой ответов, которые

оказались полезными. Проблемные ситуации влияют на формирование повестки дня политики, которая включает социально значимые и публично представленные вопросы, выстроенные в порядке приоритетности, требующие решения со стороны политических институтов.

Выявлены *типы повестки дня политики*:

а) публичная/общественная и институциональная повестки (в зависимости от субъектов формирования);

б) личная, межличностная / микрогрупповая повестки (по уровню охвата социальных групп);

в) информационная / «медийная» и воображаемая повестки по коммуникативному критерию.

5) Проблемные ситуации, актуальные для массового сознания с точки зрения перспектив их постановки на повестку дня политики, структурированы с учетом групп требований на «входе» политической системы. Выявлены *механизмы постановки проблем на повестку дня политики*: программы социально-экономического развития страны, послания главы государства, парламентские дебаты и законодательный процесс, официальные заявления высших должностных лиц государства; программы политических партий, программы и заявления кандидатов на выборах, обращения граждан в государственные органы, функционирование институтов гражданского общества, информационные и общественно политические публикации и программы СМИ, избирательный процесс, в ходе которого различные политические силы могут донести информацию о своих целях до граждан (стадия агитации).

Базовые ценности политического сознания в Беларуси классифицированы на *мировоззренческие* (стабильность и безопасность, национальная консолидация и чувство национальной гордости/идентичности, вопросы исторической памяти) и *социально-структурные* (работа/трудовые отношения, семья, конструирование полей социального влияния, социальные связи и т.д.). Данные группы ценностей влияют на актуализацию *проблемных ситуаций*, которые формируют повестку дня политики: национальная и общественная безопасность, социальная стратификация, распределение благ и социальная поддержка населения, отношения в системе «наниматель – работник», права собственности и дилемма частного – государственного, формирование окружающего физического пространства. Смысловое поле проблемных ситуаций, отраженных в массовом политическом сознании, охватывается рамками поисками образа будущего для белорусского общества.

б) Определены *этапы эволюции политического мышления* в социальном пространстве Беларуси:

– конец 1980-х – 1991 гг. – доминировала проблематика демократизации политической жизни и национальное возрождение;

– 1992 – 1994 гг. – определяющий этап в формировании политической системы, связанный с выбором типа власти (формы государственного устройства).

– вторая половина 1994 г. – ноябрь 1996 г. – «тестирование» массового политического мышления белорусского общества на выбор пути общественного развития, подтверждение преемственности политических позиций в запросе на стабильность политической системы и создание властной вертикали.

– конец 1996 г. по настоящее время – в социальном пространстве открываются «окна возможностей» и «политические потоки», происходит их

соединение в единый процесс, что в итоге создает высокую вероятность принятия рациональных политических решений в соответствующих сферах государственного управления.

7) В результате работы выявлены тенденции в эволюции политического мышления в Беларуси:

- высокий уровень поддержки Главы государства означает поддержку политического курса развития страны, государственного регулирования экономики и социальных процессов;

- высокие ожидания по отношению к действующей государственной власти в сфере социальной поддержки и социальных гарантий;

- скептическое отношение либо настороженность по отношению к оппозиционным политическим силам, неверие в их способность решать практические проблемы жизни государства и рядовых граждан (оппозиционные акторы стремятся получить поддержку части населения, ориентированы на политическую альтернативу);

- идеологическую мозаичность массового сознания: переплетение элементов коммунистической, консервативной, социалистической и либеральной идеологий, доминирование ценностей социального равенства по отношению к свободе;

- многообразии толкования политических идей, когда может достигаться согласие на принятие определенных идей, однако их трактовка разнится;

- стремление к усилению элементов национально-культурной идентичности при доминировании процессов формирования гражданской идентичности, идущих под влиянием государственных институтов;

- традиционализм с опорой на выработанный опыт реагирования и интерпретации политических событий внутри страны и за рубежом, следование проверенным нормам и правилам поведения и взаимодействия в социальном и политическом пространстве;

- консолидированность общественного мнения при решении критических политических вопросов, сплочение перед ситуациями, представляющими угрозу стабильности и безопасности общества.

8) В результате сравнительного анализа выявлено, что социально-проектная деятельность субъектов политического процесса в Республике Беларусь разворачивается в первую очередь в рамках сложного взаимодействия государственной власти и иных субъектов (общественных объединений, политических партий, СМИ, экспертного сообщества). Выявлено, что обретения социальным проектом публичного и социально-критического характера недостаточно в современных условиях. Социальный проект должен содержать конкретные предложения по решению проблем, а также обладать бифуркационным потенциалом по отношению к сложившимся общественным отношениям.

Государственные институты в социально-проектной деятельности доминируют в силу центральной роли в решении публичных дел. Также применяется селективный анализ негосударственных социальных проектов. Подобная селективная стратегия может использоваться для стабильности белорусского общественного процесса, а также для упреждения угроз легитимности. Отдельное внимание должно быть обращено на возрастающее влияние спонтанных групп интересов в социально-проектной деятельности. Несмотря на продвижение своих проектов в информационном пространстве (главным образом в сеть Интернет) эмоционально окрашенного, фрагментарного

дискурса, эти социальные силы не несут должной ответственности за предложенные социальные проекты, что не дает возможности претендовать на их практическую реализацию.

В результате исследования выявлено, что в социально-проектной деятельности в Республике Беларусь доминируют институты государства при определении различных направлений государственной политики; показано, что в социальном проектировании возрастает значение групп интересов, общественных объединений, политических партий, СМИ, экспертного сообщества, действующих в рамках фрагментарного общественного дискурса; в таких условиях конкуренция за социальное проектирование в Республике Беларусь связана с борьбой за контроль над различными формами публичного дискурса.

9) Исследованы неолиберальный и неомарксистский подходы в анализе массовой культуры. Массовая культура рассмотрена как коммуникативная практика по закреплению определенных форм общественно-политического сознания посредством индустрии развлечений, «эстетизации политики». Выявлены подходы к пониманию массовой культуры, с одной стороны, как особого состояния современной культуры в привязке к информационной революции, с другой стороны, как кризиса «культурного кода» человечества с перспективой формирования «мировой деревни» и «одномерного человечества».

Критический анализ роли массовой культуры в политическом процессе Республики Беларусь позволил сделать вывод о возрастающих угрозах со стороны массовой культуры глобального потребления. Выявлены технологии массовой культуры глобального потребления: манипуляция экономическими потребностями с целью влияния на поведение в политике; упрощение политического языка для стандартизации политического сознания и мышления; продвижение неолиберального дискурса глобализации как господствующего. Разработка национально-государственной символической политики как способа конкуренции за интерпретацию социальности важна для противодействия внешнему дискурсивному контролю.

Вместе с тем показано, что массовая культура как форма глобальной коммуникации, имеет позитивное значение для диалога культур и стабилизации международных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд [и др.]; науч. ред. пер.: М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – М. : Аспект пресс, 2002. – 535 с.
- 2 Антанович, Н. А. Методология политического анализа процесса государственного управления / Н. А. Антанович. – Мн.: БГУ, 2012. – 247 с.
- 3 Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / Под ред. С.У. Ларсена. – М. : РОССПЭН, 2009. – 751 с.
- 4 Штомпка, П. Социология социальных изменений /Пер, с англ, под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
- 5 Прохоренко, И. Л. О методологических особенностях анализа современных политических пространств / И.Л. Прохоренко // Полис. Политические исследования.– 2012. – № 6. – С.68-80.
- 6 Бурдые, П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.– 336 с.
- 7 Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / Под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
- 8 Бикбов, А.Т. Пространственная схема социальной теории как форма объективации властного интереса теоретика: Парсонс, Фуко / А. Т. Бикбов, С.М. Гавриленко // Пространство и время в современной социологической теории. М.: Институт социологии РАН, 2000. – С. 33-65.
- 9 Аванесова, Г.А. Пространство социальное / Г.А.Аванесова, О.Н.Астафьева // Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев.– М., 2014. – с. 367-368.
- 10 Филиппов, А.Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы. / А. Ф. Филиппов. – Электронный ресурс. Философско-литературный журнал «Логос». – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html – Дата доступа: 30. 05.2015.
- 11 Михалевский, Д.В. Формирование социального пространства и его структур (социально-философский анализ) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филос. н. : 09.00.11/ Д.В. Михалевский. – М., 2011. – 26 с.
- 12 Performativity, Politics, and the Production of Social Space/ Edited by Michael R. Glass and Reuben Rose-Redwood. – NY.: Routledge, 2014. – 278 p.
- 13 Плугатаренко, П.Н. Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования (теоретико-методологический анализ): автореф. дис ... канд. полит. наук: 23.00.01 / П. Н. Плугатаренко. – М. : Б.в., 2012 . – 21 с.
- 14 Гришин, Н. В. Политическое пространство как объект теоретических и прикладных политических исследований : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук: 23.00.02 / Н. В. Гришин; [Волгогр. акад. гос. службы]. – Волгоград, 2001. – 24 с.
- 15 Пушкарева, Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации / Г.В. Пушкарева // Полис. Политические исследования.– 2012.– № 2.– с.166-176.
- 16 Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / [Д.Г. Ротман и др.]; под редакцией Д. Г. Ротмана, В.В. Правдивца. – Минск : Бел. гос. ун-т, 2007. – 139 с.
- 17 Политическая психология / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопап. – Ростов-на-Дону, 1996.

18 Баранов, Н.А. Трансформация политического сознания современного российского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Том 3. № 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С.87-103.

19 Sanders, D. Behavioralism / D. Sanders / Teorie i metody w naukach politycznych. - Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006. - 361 s.

20 Geertz Clifford. The interpretation of cultures: selected essays / C.Geertz. New York: Basic Books, 1973. - 470 p.

21 Митрохина, Т.Н. Политическая повестка дня для России в официальном дискурсе власти // Власть. – 2012. – №5. – С.4-8.

22 Казаков, А.А. Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://litterref.ru/ujgujgujgujgqasotr.html> Дата доступа: 21.08.2015.

23 Казаков, А.А. Взаимодействие информационной и политической «повесток дня»: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. – 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология. Вып. 3. – С. 70-73.

24 Гончарова С. В. Исследования проблемы «повестки дня» в политической науке // Известия СПбУЭФ . – 2007. – №2. –С. 320-324.

25 Мейер, М.М. Механизмы и технологии формирования информационно-политической повестки дня в российских СМИ в 1996-2000 гг. 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/mehanizmy-i-tehnologii-formirovaniya-informatsionno-politicheskoj-rovestki-dnya-v-rossijskih-smi-v-1996-2000-gg#ixzz3izAO8nzJ>– Дата доступа: 21.07.2015.

26 Слука, О.Г. Идеологические процессы в Беларуси/ О.Г. Слука. – Мн.: РИВШ, 2010. – 220 с.

27 Ценностный мир современного человека: Беларусь и её соседи в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2013. – 175 с.

28 Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М.: Харвест, 2004. – 448 с.

29 Лукашенко, А.Г. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 22 апреля 2014 года [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2014. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549/ – Дата доступа: 21.07.2015.

30 Хардт, М. Империя = Empire : пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри ; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.

31 Бодрийяр, Ж. После оргии / Ж. Бодрийяр // Прозрачность зла = La transparence du Mal : [сборник] / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – М., 2000. – С. 7–22.

32 Маркова, Г. И. Массовая культура: содержание и социальные функции : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Г. И. Маркова ; Моск. гос. ун-т культуры. – М., 1996. – 37 с.

33 Гофман, А. Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения / А.Б. Гофман. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.

- 34 Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 956 с.
- 35 Marshall, Mc. Understanding media / Mc. Marshall. – Corte Madera: Gingko Press, 2003. – 616 p.
- 36 Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака = Pour une critique de l'économie politique du signe / Ж. Бодрийяр ; пер с фр. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. – М. : Акад. Проект, 2007. – 335 с.
- 37 Сантус, Т. Д. Структура зависимости [Электронный ресурс] / Т.Д. Сантус; пер. с англ. В. Плотникова ; под ред. А. Тарасова // Скепсис. – 2008. – № 5. – Режим доступа: http://sceptis.net/library/id_2297.html. – Дата доступа: 09.02.2013.
- 38 Бузгалин, А. В. Ренессанс социализма (курс лекций, прочитанный в Молодежном университете современного социализма) / А. В. Бузгалин. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 512 с.
- 39 Бурдьё, П. О символической власти / П. Бурдьё ; пер. с фр. Н.А. Шматко // Социология социального пространства = Sociologie de l'espace social : [сборник] / П. Бурдьё. – М., 2005. – С. 87–96.
- 40 Harvey, D. The party of Wall Street meets its nemesis / D. Harvey // Verso Bk. – Mode of access: <http://www.versobooks.com/blogs/777-david-harvey-the-party-of-wall-street-meets-its-nemesis>. – Date of access: 15.08.2014.
- 41 Фромм, Э. «Иметь» или «быть» = Haben oder Sein / Э. Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2008. – 314 с.
- 42 Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм ; пер. с англ. Д. Н. Дудинский. – Минск : Попурри, 1998. – 672 с.
- 43 Кара-Мурза, С. Г. Власть манипуляции / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Академ. Проект, 2007. – 384 с.
- 44 Зиновьев, А. Запад. Феномен западнизма / А. Зиновьев // Запад / А. Зиновьев. – М., 2000. – С. 7–448.
- 45 Блюмінов, О. Иностранные инвестиции – путевка в «третий мир» [Электронный ресурс] / О. Блюмінов // Ліва. – Режим доступа: <http://www.liva.com.ua/foreign-investment.html>. – Дата доступа: 27.08.2014.
- 46 Маркос, С. Семь деталей мировой головоломки [Электронный ресурс] / С. Маркос; пер. с исп. О. Ясинского // Скепсис. – Режим доступа: http://sceptis.net/library/id_575.html. – Дата доступа: 09.02.2014.
- 47 Кляйн, Н. Шоковая доктрина [Электронный ресурс] / Н. Кляйн // Скепсис. – Режим доступа: http://sceptis.net/library/id_1465.html. – Дата доступа: 09.02.2014.
- 48 Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе ; пер. с англ. А.А. Юдина. – М. : АСТ : Ермак, 2003. – 312 с.
- 49 Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества : пер. с англ. / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
- 50 Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас ; пер. В. И. Иванова // THESIS : [сб. науч. тр.] / Ин-т гуманитар. ист.-теор. исслед. Высш. шк. экономики. – 1993. – Вып. 2. – С. 123–136.
- 51 Фурс, В. Н. Рецепция идей Маркса в современной критической теории / В.Н. Фурс // Обществ. науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 115–130.

- 52 Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с.
- 53 Меньшиков, А. С. Как теоретизировать политику? / А. С. Меньшиков. //Полис. Политические исследования. – 2010. – № 1. – С. 82-101.
- 54 Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса [Электронный ресурс] / Р. Водак // Русский филол. портал. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/vodak-11.htm>. – Дата доступа: 16.01.2016.
- 55 Гаврилова, М. В. Критический дискурс анализ в современной зарубежной лингвистике / М. В. Гаврилова. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2003. – 24 с.
- 56 Сартр, Ж.-П. Проблемы метода = Questions de methode / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр. В. П. Гайдамака. – М. : Прогресс, 1993. – 240 с.
- 57 Валлерстайн, И. Европейский универсализм: риторика власти / И. Валлерстайн // Прогнозис. – 2008. – № 2. – С. 3–56.
- 58 Hahn, N. S. C. Neoliberal imperialism and pan-African resistance / N.S. C. Hahn // J. of World-System Research. – 2007. – Vol. 13, № 2. – P. 142–178.
- 59 Гароди, Р. Марксизм XX века = Marxisme du XXeme siecle : пер. с фр. / Р. Гароди. – М. : Прометей, 1994. – 175 с.
- 60 Символическая политика : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук ; ред. О. Ю. Малинова. – М., 2012. – Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – 336 с.